

Пьер Гаспар (Анаксагор) ШОМЕТТ

Мемуары. 1792 год

Приведено по: Голос минувшего. 1917. №№ 11-12.

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2004

Мемуары Шометта разделены на несколько глав при подготовке рукописи *А.Оларом*:

Положение Франции в июне 1792 года

День 20 июня

Праздник 14 июля 1792 года - то, о чем найти сведения найти очень трудно, по крайней мере по сравнению с описанием событий и свидетельствами 1789 и 1790 гг.

Ночь с 9 на 10 августа

День 10 августа

Переводом на русский и публикацией мы обязаны *И.Хераскову*.

Пролог от первого лица

...Я видел немало произведений этого рода. Они возмутили меня, и я сказал себе: «Почему бы не взяться мне за этот великий сюжет? Почему бы мне, участнику и свидетелю этой революции, не сообщить моим согражданам фактов, виденных и собранных мною, фактов, в которых я участвовал сам?» Так создалось мое решение взять на себя эту в высшей степени трудную, но и в высшей степени благодарную задачу, в убеждении, что в произведениях подобного рода ищут не столько стиля, сколько правды, беспристрастности, отсутствия столь типичной для нашего времени мании, так сказать, перекрашивать людям глаза и прививать косоглазие зорким. Если цель моя окажется не достигнутой, если сил у меня не хватит, пусть зачтется в мою пользу по крайней мере желание.

Шометт

Г. Положеніе Франціи въ іюнь 1792 года ¹⁾.

Неприсяжные (отказавшіеся отъ гражданской присяги И. X.) священники и другіе фанатики усиленно разжигали въ странѣ гражданскую войну и внушали народу преступные догматы. Они вносили въ семьи раздоръ, поднимали отца на сына, сына на мать, селеніе на селеніе, городъ на городъ. Пожаръ, убійство, ядъ—стали главнымъ орудіемъ ихъ начатыхъ противъ націи дѣйствій. Во Францію то и дѣло пріѣзжали эмигранты. Они уѣзжали затѣмъ обратно, обильно снабженные деньгами и осыпанные милостями двора, и снова принимались вооружаться, созывать свои батальоны, формировать королевскую гвардію и, подымающимъ покровительствомъ иностранныхъ державъ, устраивать склады провіанта и боевыхъ припасовъ; державы, въ свою очередь, составляли союзы и двигали арміи къ территоріи Франціи. Границы наши оставались незащищенными—открытыя, продажныя врагу. Большая часть арміи была дезорганизована генераломъ Лафайэтомъ. На сѣверѣ онъ почти что царствовалъ, и дерзость его доходила до того, что почти всё его письма Национальному Собранію носили характеръ приказовъ. Городъ Парижъ кишѣлъ людьми, лишенными нравственности и всякаго стыда, сдѣлавшими своимъ ремесломъ предательство и измену. И дворъ облакалъ этихъ людей публичными функціями! Такъ обстояли наши дѣла въ іюнь 1792 года.

Напрасно Национальное Собраніе вызывало короля на объясненіе. Его упорное молчаніе или коварныя и уклончивыя объясненія способны были лишь усилить тревогу патріотовъ, пробую-

ждали предчувствіе внезапнаго удара, способнаго погубить навсегда и отечество и свободу. Наконецъ Национальное Собраніе не выдержало: при видѣ опасностей, угрожавшихъ намъ со всѣхъ сторонъ, оно рѣшило положить конецъ злодѣйствамъ священниковъ и наглости эмигрантовъ: два декрета, изданные имъ ¹⁾ должны были помѣшать осуществленію всѣхъ этихъ предпріятій, которому уже заранѣе радовались пильницкіе заговорщики ²⁾ и дворъ. Король отказался санкціонировать эти декреты: ему казалось, что почва подъ его ногами окрѣпла достаточно, и что настала пора подвергнуть чувства народа рѣшительному испытанію, открыто выступивши на контръ-революціонный путь. Въ довершеніе всего дворъ назначилъ въ министерство нѣсколькихъ челоувѣкъ, сумѣвшихъ создать себѣ репутацію патріотовъ ³⁾. Народъ вѣрилъ ихъ патріотизму, такъ какъ слава о немъ исходила изъ якобинскихъ круговъ, но роялисты всячески преслѣдовали этихъ людей,—а дворъ старательно мѣшалъ ихъ работѣ. Министровъ-патріотовъ оскорбляли, презирали, и въ ихъ лицѣ чувствовали себя оскорбленнымъ безусловно довѣрившій имъ въ то время народъ. Съ другой стороны, необходимость образованія между Парижемъ и границами Франціи, военнаго лагеря дѣлалась все болѣе очевидной, по мѣрѣ того, какъ росла опасность непріятельскаго вторженія, и все болѣе настоятельной по мѣрѣ того, какъ королевскіе генералы разсѣивали наши войска и поселяли среди нихъ раздоръ: если кое-гдѣ и были еще сгруппированы болѣе или менѣе крупныя силы, способныя оказать непріятелю сопротивленіе, значеніе ихъ подрывалось царившимъ въ ихъ средѣ духомъ партійности, симпатіями къ монархіи, а иногда и откровенной враждой къ создавшему ихъ народу. Министры-патріоты (какъ называли ихъ) хотѣли оправдать свою репутацію и поддержать проектъ устройства Парижскаго лагеря. Доселѣ предметъ презрѣнія двора, они сдѣлались для него съ этихъ поръ предметомъ ненависти.

Въ этотъ то моментъ и были пущены въ ходъ знаменитыя петиціи, покрытыя восемью и двадцатью тысячами подписей, протестовавшія противъ мѣръ, принятыхъ Национальнымъ Собраніемъ, и унижавшія его смѣсью почтительной формы съ проявленіями глупаго тщеславія—незрѣлаго плода слишкомъ рано

¹⁾ Декретъ о высылкѣ неприсяжныхъ священниковъ и устройствѣ подъ Парижемъ военнаго лагеря изъ 20.000 федератовъ.

²⁾ Въ Пильницѣ (Саксонія) былъ подписанъ въ 1791-мъ году направленный противъ революціонной Франціи союзный договоръ между императоромъ Леопольдомъ и прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.

³⁾ Т.-е. Дюмурэ, Роланъ, Клавьеръ, Серванъ и др.—такъ называлось «жироидистское министерство» 1792 года.

^{1, 2)} Какъ этотъ, такъ и нижеслѣдующіе подзаголовки принадлежатъ проф. Олару. Мы сохранили ихъ для удобства читателя.

ученныхъ успѣховъ. Петиціи эти, оставившія въ душѣ патриотовъ глубокой и долгой слѣдъ раздраженія, дышали самой низкой любовью къ монархіи, полны были самага гнуснаго пресмыкательства передъ личностью короля и имѣли значеніе не столько въ качествѣ выраженія тѣхъ или иныхъ пожеланій со стороны подававшихъ ихъ лицъ, сколько въ качествѣ списковъ рекрутовъ контръ-революціонной арміи.

Военная дворня короля, составленная по большей части изъ бывшихъ лейбъ-гвардейцевъ, вернувшихся эмигрантовъ и знаменитыхъ героевъ 28-го февраля 1791 года, извѣстныхъ подъ именемъ *рыцарей кинжала* ¹⁾, возбуждала народъ своей наглостью, оскорбляла народное представительство и не стѣсняясь говорила о готовящемся нападении на свободу. Наблюдательный Комитетъ (*Comité de surveillance*) обнаружилъ замыслы этихъ *дакеетъ преториума*, и компанія эта была распущена. Декретъ объ ея роспускѣ былъ утвержденъ королемъ, но на другой же день послѣ этого онъ издалъ самую оскорбительную для Национальнаго Собранія прокламацію: народныя представители осыпались въ ней самой отвратительной клеветой, а крайніе партизаны деспотизма—члены распущенной гвардіи—самой неумѣренной лестью. При этомъ, согласно приему, излюбленному всѣми ловкими предателями, выраженія въ прокламаціи были подобраны такъ, что создавалась возможность различныхъ толкованій.

Министровъ, которымъ довѣрялъ народъ, смѣнили люди, погрязшіе въ порокахъ и покрытые общественнымъ презрѣніемъ. Контрастъ ихъ политики съ политикой предшественниковъ и та неумѣренность, съ которой они старались выразить свою готовность служить королю, не считаясь съ интересами нации, особены были лишь увеличить раздраженіе патриотовъ. Плაცемъ было положеніе родины, отданной въ жертву своимъ жесточайшимъ врагамъ, въ то время, какъ единственная опора ея—Национальное Собраніе, лишенное дѣйствительной силы и уваженія со стороны общества, раздираемое внутренними распрями и среди злобныхъ и мелочныхъ преній роняло свое достоинство.

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду дворянская молодежь, съ оружіемъ въ рукахъ арестованная 28-го февраля 1791 года въ Тюильерійскомъ дворцѣ. Въ этотъ самый день населеніе парижскихъ предмѣстій было увлечено разными темными подстрекателями въ Венсеннѣ подъ предлогомъ атаки противъ «второй французской Бастиліи»—венсенской политической тюрьмы. Арестованные дворяне заявили, что собрались около королевской спальни для защиты короля, жизни котораго угрожала яко бы опасность. Въ сообщеніи «Монитора» объ этомъ арестѣ разсказывается между прочимъ, что король въ этотъ день усиленно старался отлучиться изъ дворца національную гвардію, и что гвардейцы, подозрѣвая, очевидно, что-то недоброе, остались тамъ, вопреки предложенію короля расходиться по домамъ на отдыхъ.

передъ лицомъ всей Европы. Дворъ третировалъ его самымъ оскорбительнымъ образомъ, а оно отвѣчало на униженія удвоеннымъ пресмыкательствомъ. Ни энергіи, ни силы, ни устойчивой воли! ²⁾ А въ результатѣ—всѣ несчастья наши и перспектива жестокихъ, пугающихъ воображеніе смуть. Но все это лишь оживило упавшее временно мужество друзей свободы и вызвало съ ихъ стороны демонстрацію (20-е іюня), давшую монархіи поводъ для новыхъ предательствъ, столь откровенныхъ и ужасныхъ на этотъ разъ, что за ними не могло не послѣдовать крушенія трона, единственнымъ стражемъ котораго, единственной защитой и единственной опорой оставалось съ этого времени преступленіе!

II. День 20-го іюня.

Патріоты любили собираться тогда на террасѣ фейяновъ (сѣв.-западный уголъ Тюильерійскаго сада. II. X.). Люди, проникнутые энтузіазмомъ, возвѣщали тамъ великія судьбы Франціи. Другіе, держась ближе къ настоящему, разрисовывали въ истинныхъ краскахъ Национальное Собраніе и дворецъ, наши пограничныя арміи и армію Паризжа. Раздраженіе увеличивалось изо дня въ день, и настроеніе народныхъ сборищъ становилось все болѣе грознымъ, предвѣщая бурныя политическія смуты и столкновенія. Генераль Лафайетъ отъ имени *своей* арміи сзвалъ Национальному Собранію письмо за письмомъ. Масса тайныхъ притоновъ была къ услугамъ консерваторовъ. Департаментъ (т.-е. департаментская директорія. II. X.) Парижа, составленный изъ бывшихъ крупныхъ дворянъ и ихъ прихлебателей, муниципалитетъ, значительная часть мировыхъ судей и (что грѣха таить) большинство національной гвардіи, включая весь ея генеральный штабъ, принадлежали къ сторонникамъ двора, составляли часть его свиты, толпу, кричавшую ура во время его частыхъ въ то время прогулокъ и на спектакляхъ, устроители которыхъ съ достойной ихъ пошлостью старались польстить королю при помощи разнаго рода натянутыхъ каламбуровъ, изрыгавшихся

²⁾ Это было собраніе, тратившее драгоценное время на разработку подробностей церемоніала и этикета въ сношеніяхъ съ королемъ и посвящавшее пѣльямъ засѣданія вопросу, о томъ,—изъ 20, 30 или 60 человекъ должна состоять отправляемая къ королю депутація. Оно, не краснѣя, разсказывало Европѣ о «двери съ двумя створками», изъ которыхъ для депутатовъ открывается только одна, и вмѣсто того, чтобы принимать энергичныя мѣры противъ враговъ свободы, идиотски убивало время на выслушивание декламаторскихъ рапортовъ, неизмѣнно кончавшихся... *посланіями къ королю*. Это было собраніе, не посмѣвшее наказать дерзкаго солдата (Лафайета II. X.), преступно оскорбившаго національное представительство на самомъ мѣстѣ его засѣданій. О преступленіе! О позоръ! (Прим. Шометта).

рычащими глосами наемныхъ скомороховъ, этихъ храмовъ безнравственности и разврата. Лишь одного изъ министровъ дворъ рѣшилъ сохранить—одного лишь нашель по сердцу; зтотъ послѣдній, при помощи всякихъ интригъ, и вытѣснилъ изъ министерства своихъ коллегъ. Я назову ихъ всѣхъ по именамъ: имя предателя—Дюмуръ, имена жертвъ его предательства—Роланъ, Клавъръ и Серванъ ¹⁾. А потомъ зтотъ же Дюмуръ, пораженный измѣнившимся къ нему отношеніемъ друзей свободы, рѣшилъ, что предавши народъ, можно предать и дворъ: въ угоду дворю онъ опрокинулъ патриотическое, какъ его называли министерство. въ угоду народу надѣлъ въ яacobинскомъ клубѣ красную шапку. Однако изъ комбинаціи этой не вышло ничего. Огорченный интригами Лафайэта, испуганный настроеніемъ народа и укрѣпленный въ своемъ рѣшеніи совѣтами Бриссо, Кондорсэ, Верньо. Гюадэ и Жансоннэ, онъ подалъ въ отставку, разумѣется, заручившись предварительно обѣщаніемъ со стороны своихъ совѣтниковъ (они же совѣтники и Лафайэта ²⁾), что они приложатъ всѣ усилія для того, чтобы приготовить ему блестящую карьеру; Послѣдующія несчастія Франціи доказали, что слово свое они сдержали.

Въ это же приблизительно время Лафайэтъ написалъ Национальному Собранію и королю свои знаменитыя письма. Онъ выступилъ въ нихъ не только защитникомъ и совѣтчикомъ двора, но и руководителемъ представителей народа, а эти послѣдніе безропотно проглотили всѣ, содержащіяся въ письмахъ правоученія и угрозы. Переписывался онъ и съ Роланомъ, изгнаннымъ уже тогда изъ министерства. Переписка была опубликована и окон-

¹⁾ Послѣ такихъ поступковъ Дюмуръ по отношенію къ Ролану, Клавъру и Сервану (бывшихъ бездушными пѣшками въ рукахъ Бриссо и депутатовъ Жиронды), кто не удивится тѣсному единодушію, проявленному этими четырьмя персонажами во время революціи 10-го августа и вторженія въ Бельгію? Тѣ, кто вѣрилъ въ *добродѣтельнаго Петюна въ отчаяннаго Гюадэ, въ краснорѣчиваго Верньо, въ логичнаго Жансоннэ, въ болѣе, чѣмъ добродѣтельнаго Ролана, въ бѣднаго и невиннаго Клавъра и въ знаменитаго Бриссо.* (Прим. Шометта).

²⁾ Въ № 681-мъ газеты «Хроника» (въ 172-мъ — поправляетъ Оларъ И. Х.), Кондорсэ писалъ въ то время буквально слѣдующее: «Является ли г. Лафайэтъ врагомъ свободы? Нѣтъ, но предпочтене, которое онъ по стоянно оказываетъ интриганамъ передъ честными людьми, хитрецамъ—передъ просвѣщенными, угодливымъ лакеямъ передъ благожелательными, но твердыми друзьями, заставило его совершить немало ошибокъ, въ томъ числѣ и эту (письмо къ Национальному Собранію) самую крупную изъ всѣхъ. У него есть средство исправить ее, это—громко, публично и безоговорочно порвать съ дураками и моченниками, толкнувшими его на эту ошибку». А это, попросту говоря, значитъ слѣдующее: пусть Лафайэтъ примкнетъ къ *нашей партіи*, и мы его сумѣемъ спасти. Онъ намъ услугу, а мы ему». Та же тактика и тѣмъ же людьми была прикинута затѣмъ и къ Дюмуръ. Что можете сказать вы на это, трусливыя, слабые люди, отрицающіе партійность этихъ господъ? (Прим. Шометта).

чательно отърыла патриотамъ глаза на людей, старавшихся стать ихъ вождями. Роланъ—другъ Бриссо, другъ Кондорсэ и др., разсуждали теперь патриоты, Кондорсэ же—бывшій другъ Лафайэта, по собственному признанію сохранившій къ нему свою приязнь. Усиленно расхваливалъ Лафайэта и Бриссо, а дружескія отношенія обоихъ ихъ съ Нарбонномъ ¹⁾ защита, оказанная ими какъ лично ему, такъ и разнымъ его профѣлкамъ, говорятъ объ ихъ близкой дружбѣ и съ Нарбонномъ. И наконецъ Роланъ, общій другъ ихъ всѣхъ, безъ стѣсненія переписывается съ Лафайэтомъ. Подъ влияніемъ этихъ размышленій переписка Ролана съ Лафайэтомъ получила въ глазахъ патриотовъ особенный смыслъ, а противъ отставного министра возникли подозрѣнія, отъ которыхъ ему необходимо было очиститься. Съ этой цѣлью онъ и опубликовалъ послѣ своего выхода изъ министерства длинное и «прекрасное» письмо къ королю, въ которомъ сказалъ, ему то, что долженъ былъ бы сказать ему до своей отставки ²⁾. Письмо это, составленное довольно удачно, можно сказать, создало репутацію этому отставному министру, но неспособность, ограниченность и глупая непредусмотрительность, обнаруженная имъ вносѣдствіи на томъ же министерскомъ посту (къ несчастію для родины онъ вернулся на него послѣ 10-го августа) доказали, что человекъ зтотъ былъ лишь орудіемъ только что названныхъ мною лицъ, приманкой, на которую они ловили народъ, всегда довѣрчивый и наивно добрый. Гримировщики Ролана, составившіе для него это письмо, впутали его въ сущности въ очень глупую исторію. Письмо это явилось съ ихъ стороны скорѣе актомъ мести, чѣмъ дѣйствительной попыткой подать совѣтъ (совѣты, запоздалые къ тому же, были вставлены туда только для формы), а расплачиваться за всю эту шутку, и дорого расплачиваться, пришлось ему же, подставному лицу этихъ людей. Директорія Парижскаго департамента, составленная изъ самыхъ низкихъ преступниковъ, засѣдавшихъ доселѣ на скамьяхъ Учредительнаго Собранія, оплатила Ролану за его письмо королю подобнымъ же письмомъ съ своей стороны. Оно было адресовано ему какъ министру (хотя въ дѣйствительности онъ имъ уже не былъ). Ну и досталось же

¹⁾ Графъ Луи де-Нарбоннъ—военный министръ (6 дек 1791—10 марта 1792 г.) извѣстный своими роялистскими интригами.

²⁾ Докладъ Ролана (написанный его женой) былъ поданъ королю въ дѣйствительности 10-го июня, т. е. еще до отставки жирондистскаго министерства (Оларъ). «Положеніе, создавшееся внутри Франціи», писалось въ этомъ докладѣ, «не можетъ долѣе продолжаться.. Броженіе достигло въ Имперіи крайнихъ предѣловъ и прорвется скоро въ ужаснѣйшія формахъ, если будутъ относиться съ прежнимъ недовѣріемъ къ намбрѣніямъ Вашего Величества. Для утвержденія же этого довѣрія недостаточно болѣе словъ, оно можетъ опереться лишь на прочную базу фактовъ».. «Moniteur» XII 658.

въ немъ бѣднѣя! Впрочемъ, самъ Роланъ и тутъ послужилъ только поводомъ (такова уже судьба его служить посмѣшищемъ и игрушкой всѣхъ интригановъ): истинною цѣлью письма было объявленіе войны *якобинцамъ, сектантамъ, республиканцамъ*. восхваленіе короля и заявленіе себя его чемпионами¹⁾. Почтенные администраторы со смѣшною напыщенностью и комической скорбію распускали жалобы по поводу словъ, произнесенныхъ 21-го мая председателемъ якобинскаго собранія («Если патріотъ гражданинъ оказался не ко двору въ правительствѣ короля, то это подтверждаетъ лишь поговорку—по господину слуга»), по поводу того, что въ засѣданіи 17-го мая нѣзврскіе администраторы были обозваны хлѣбными спекулянтами (и нужно сказать, совершенно правильно) и по поводу того, наконецъ, что на собраніи 23-го мая было сказано—о преступленіи!—что, «генералы *Лафайтъ и Нарбоннъ* измѣнники и предатели, готовые перейти на сторону врага» и что «сокрушить законъ о королевскомъ вето будетъ не труднѣе, чѣмъ взять Бастилію». Изъ всего этого администраторы дѣлали выводъ, что клубъ якобинцевъ необходимо закрыть—предложеніе, которое до нихъ еще было сдѣлано императоромъ Леопольдомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и эмигрантами и энергично поддержано всѣми контр-революціонерами Франціи. Послѣдніе, въ количествѣ 60000, прибыли въ Парижъ, по приглашенію двора, со всѣхъ концовъ страны; департаментская директорія, генеральный штабъ національной гвардіи, правая половина Национальнаго Собранія и прочіе, пребывающіе въ Парижѣ преступники, поспѣшили оказать имъ братское гостепримство.

Но оставимъ всѣ эти мелочи. Обратимся къ положенію и настроенію народа. Предательства двора, притѣсненіе со стороны *королевскихъ* администраторовъ, *королевскихъ* мировыхъ судей, *королевскихъ* муниципалитетовъ, *королевскихъ* трибуналовъ, *королевской* національной гвардіи, *королевскихъ* генераловъ, *королевскихъ* совѣтниковъ, *королевскихъ* шпионовъ, *королевской домашней* стражи, *королевскихъ* законодателей и т. д. и т. д. и т. д., униженіе Национальнаго Собранія, угрозы со стороны врага и внутренняго, и внѣшняго (дворъ спѣшилъ открыть этому послѣднему наши границы) происки фанатичныхъ священниковъ—все это возбуждало въ народѣ волненіе и приводило къ тому движенію, которое въ скоромъ времени всецѣло имъ овладѣло.

Центральныя парижскія секціи были подавлены роялистскими

¹⁾ Письмо Парижскаго департамента, полное ядовитой критикой якобинства, явилось отвѣтомъ на циркуляръ Ролана, запрашивавшій всѣ департаменты о настроеніи умовъ и о мѣрахъ, принятыхъ противъ мутящихъ народъ «измѣнниковъ» (подъ измѣнниками тутъ разумѣлись, конечно, роялисты).

заговорщиками, но секціи Сентъ-Антуанскаго предмѣстья и предмѣстья Сентъ-Марсо сохраняли еще всю свою силу. Тамъ дискутировались вопросы о высшихъ интересахъ отечества, обсуждались способы ихъ спасенія; доходили до требованія заключенія короля подъ стражу и охотно соглашались сохранить для этой цѣли одинъ изъ монастырей. Граждане этихъ секцій получили отъ кружевныхъ аристократовъ прозвище санюлотовъ и съ гордостью носили свой титулъ. Почтенныя лохмоты не мѣшали имъ оцѣнивать достоинство тирана по примѣру поэта Хамеди-Кермани, который, играя однажды съ Тамерланомъ въ игру, состоявшую въ переводѣ на деньги цѣнности кажлага, сказалъ ему—«я цѣню тебя въ 30 аспровъ», а когда тотъ воскликнулъ «да это цѣна моей салфетки!» прибавилъ: «я считаю, конечно, и салфетку». Съ глубокою скорбью страна начинала понимать теперь истинную цѣну Людовика XVI и пріучалась къ мысли о возможности существовать и безъ короля. Наиболѣе горячіе и просвѣщенные изъ патріотовъ собирались въ клубъ Кордельеровъ, гдѣ цѣлыя ночи проводили за выработкой общаго плана дѣйствій. Въ одномъ изъ его комитетовъ было между прочимъ приготовлено красное знамя со слѣдующей надписью: «*Народъ объявляетъ военный законъ противъ бунта двора*». Вокругъ этого знамени предостояло собраться всѣмъ истинно свободнымъ людямъ, всѣмъ республиканцамъ и всѣмъ, на чьей совѣсти лежала мечь за друга, родственника, сына, убитаго 17-го іюля на Марсовомъ полѣ.

Вся эта агитація завершилась составленіемъ петиціи, представить которую съ оружіемъ въ рукахъ взялись предмѣстья Сентъ-Антуана и Сентъ-Марсо. Къ нимъ должны были примкнуть остальные друзья свободы, общее число которыхъ оказалось огромнымъ. Днемъ подачи петиціи было выбрано 20-е іюня. Съ утра начали открываться собранія, а къ полдню внушительная процессія двинулась въ путь, неся впереди Декларацию правъ человѣка, выгравированную на двухъ скрижаляхъ и окруженную пушками. Департаментская директорія бросилась съ предупрежденіемъ въ Национальное Собраніе, но процессія была уже въ пути, да и настроеніе ея было слишкомъ радостнымъ, чтобы внушать какія-нибудь опасенія. И дѣйствительно, единственной цѣлью сборища было, съ одной стороны, отпраздновать годовщину присяги въ «Jeu de Paume», а съ другой—посадить у дверей Собранія «дерево свободы». Вскорѣ всѣ улицы между Бастиліей и зданіемъ Законодательнаго корпуса были запружены толпами народа. Въ процессіи несли изображеніе Бастиліи, бюсты великихъ людей и знамена съ надписями: «Свобода»—«Равенство».—«Свобода въ опасности—всѣ санюлоты на посту».—«Предупр-

щенной дворцовой гвардіи прогуливались съ пистолетами и кинжалами въ своихъ жилетныхъ карманахъ. Они носили на локардахъ свои значки, и вмѣстѣ съ массой аристократовъ, одѣтыхъ въ національную форму, представляли изъ себя значительный разбойничій отрядъ, готовый, казалось, на все.

Процессія дефилировала между тѣмъ по залѣ Законодательнаго корпуса и двумя колоннами двигалась къ площади Карусеи, гдѣ заранѣе, въ цѣляхъ рѣшительнаго сопротивленія, были расположены солдаты и пушки. Ворота, ведущія во дворъ замка и въ самый замокъ, были закрыты и находились подъ артиллерійской защитой. Въ моментъ приближенія процессіи войска сдѣлали угрожающее движеніе, но группа бравыхъ петиціонеровъ смѣло приблизилась къ нимъ и вступила въ переговоры, многіе граждане въ рядахъ національной гвардіи громко негодовали по поводу роли, которую ихъ заставляли играть. Толпа между тѣмъ все росла. Ее частью пропускали, частью она прорывалась силой, но скоро и дворы, и вся площадь передъ дворцомъ оказались запруженными огромной толпой вооруженныхъ и на все рѣшившихся гражданъ. Сильное сопротивленіе они встрѣтили у дверей первыхъ комнатъ, но бравые санюлоты взгромодили на свои плечи пушку и настолько удивили и перепугали этимъ своихъ противниковъ, что всѣ препятствія передъ ними пали. Во вторую дверь сразмаха стукнули топоромъ. Людовикъ XVI открылъ ее самъ, и крича изо всѣхъ силъ «да здравствуетъ нація!» замахалъ въ воздухъ своей шляпой. Его окружали въ этотъ моментъ нѣсколько неприсяжныхъ мятежныхъ священниковъ, нѣсколько «рыцарей кинжала» и небольшой отрядъ гренадеровъ изъ батальона «Дѣвъ Святого Томы» (Filles-Saint-Thomas), о которомъ мы будемъ еще рассказывать ниже. При видѣ народа господа эти бросились въ бѣгство, отдавая своего дорогого повелителя (бывшаго въ дѣйствительности ихъ пѣшкой) во власть того самаго «простонародья», которое всегда изображалось ими въ видѣ сборища безсмысленныхъ скотовъ. Въ одинъ мигъ зала наполнилась людьми съ пиками, косами, ножами, привязанными къ палкамъ, шилами, ружьями, вилами и т. д. Передъ королемъ поставили екрижали съ Декларацией правъ человѣка. И вотъ все слилось въ одномъ крикѣ: «Санкционируй декреты, въ нихъ спасеніе Франціи! верни патріотовъ-министровъ! прогони поповъ! выбирай между Кобленцемъ и Парижемъ!» Король во всѣ стороны протягивалъ свои руки и, не переставая, махалъ своей шляпой. Потомъ, увидѣвъ въ рукахъ у одного изъ гражданъ красную шапку, надѣлъ ее себѣ на голову и прямо изъ бутылки началъ пить вино «за здоровье санюлотовъ!», которые съ своей стороны

кричали: «Смотрите, король пьетъ!» Все, о чемъ граждане просили, король обѣщалъ исполнить. Тогда они очистили мало по малу его апартаменты. Медленнымъ потокомъ они покидали уже и дворецъ, когда туда явилась депутація Национальнаго Собранія одновременно съ мэромъ Парижа—ободрить коронованаго плута и попросить гражданъ разойтись. Для выполненія этого послѣдняго понадобилось однако еще немалое время: всѣ галлерей дворца, всѣ террасы, внутренность и даже крыши были покрыты народомъ. Лишь къ десяти часамъ вечера все было наконецъ очищено, и въ Парижѣ воцарился полный покой.

Такъ кончился этотъ славный день, давшій поводъ къ столькимъ предательствамъ, толкамъ и сплетнямъ.

Парижане ждали спокойно выполненія королевскихъ обѣщаній. Предразсудокъ, будто бы слово, данное королемъ, священно, устранялъ всякую возможность сомнѣній. Но на другой же день король обращался къ собранію со слѣдующими словами 1):

Парижъ. 21 іюня 1792, годъ свободы четвертый.

«Господинъ президентъ, Национальному Собранію извѣстно уже о случившихся вчера событіяхъ. Парижъ безъ сомнѣнія удрученъ ими. Франція узнаетъ о нихъ съ удивленіемъ и скорбью. Меня тронуло горячее сочувствіе, которое Национальное Собраніе засвидѣтельствовало по отношенію ко мнѣ при данныхъ обстоятельствахъ. Выясненіе причины случившагося, оцѣнка его обстановки, принятіе необходимыхъ мѣръ къ охраненію конституціи и обезпеченію *неприкосновенности и конституціонной свободы насльдственнаго представителя націи*—все это я предоставляю мудрости Национальнаго Собранія. Что же касается меня, то ничто не помѣшаетъ мнѣ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ выполнять обязанности, возлагаемыя на меня принятой мною конституціей и истинными интересами французской націи».

Подписано: *Людовикъ.*

И ниже: По королевскому повеленію *Дюрантъ* 2).

Письмо это обнаружило истинныя намѣренія написавшаго его, и недовольство имъ не замедлило проявиться. Именно съ этого времени дворъ учредилъ въ королевскомъ замкѣ инквизиціонный трибуналъ, который велъ противъ патріотовъ слѣдствіе, внѣ всякаго общественаго контроля, воскрешая гнусные приемы судеб-

1) Приводимый Шометтомъ текстъ письма нѣсколько исправленъ проф. Оларомъ на основаніи официальнаго печатнаго текста.

2) Дюрантъ подписанъ письмомъ въ качествѣ государственнаго канцлера (Garde des sceaux).

ной процедуры послѣ событій 5-го и 6-го октября 1789 и 17-го іюля 1791 года. Позорный трибуналь этотъ былъ составленъ изъ про- давшихся двору мировыхъ судей. Да, изъ мировыхъ судей! Боже мой, мировые судьи въ роли зачинщиковъ гражданской войны. въ качествѣ орудій жестокаго мщенія челоѣконенавистническаго двора! Писатели, не умѣвшіе сдерживать своего пера, подвергались судебному преслѣдованію и заключались въ тюрьму; многіе предсѣдатели и секретари секцій, члены народныхъ обществъ, подвергались подобной же участи. Наглость враговъ отечества доходила до апогея: достаточно было прослыть патриотомъ, чтобы сейчасъ же сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ, насилій, оскорбленій даже на улицѣ, а зачастую и въ собственномъ домѣ. Развѣ дѣло шло о защитѣ гонимыхъ патриотовъ, всѣ законы дѣлались нѣмы, теряли силу, и тѣ же законы превращались въ кинжалы съ остро отточеннымъ лезвіемъ, когда защищать приходилось роялиста и контръ-революціонера.

III. Продолженіе.

Для гнусной процедуры этой требовались свидѣтельскія показанія, и въ нихъ не было недостатка. Батальоны Святой Оппортуни и Дѣвъ Святого Өомы, весь генеральный штабъ національной гвардіи, шефы жандармеріи, *шпюны* старой полиціи, состоявшіе на жалованіи двора, члены департаментской директоріи, монархическаго клуба, клуба Святой Канеллы, богатые купцы, записавшіеся въ гренадеры, стрѣлки (*chasseurs*) или волонтеры національной гвардіи доставили матеріалъ для толстаго тома *in octavo*, полнаго дикихъ нелѣпностей, безсмысленной клеветы, грубыхъ нападокъ на народъ и его магистратовъ, и изъявленій любви къ королевской особѣ. Книга эта была столь же гнусна, какъ и лица, ее опубликовавшія ¹⁾.

Всѣ эти клеветническія показанія дали матеріалъ для департаментскаго декрета объ смѣщеніи мэра и прокурора Коммуны. Гренадеры, начальники генеральнаго штаба и офицеры національной гвардіи, имѣвшіе безстыдство выступать свидѣтелями въ этомъ чудовищномъ дѣлѣ, сдѣлались съ этой поры завсегдатаями двора вмѣстѣ съ мировыми судьями, ведшими слѣдствіе по указаніямъ королевы. Король, чтобы покрѣпче привязать къ себѣ,

¹⁾ См. прокламацію короля и собраніе документовъ, относящихся къ постановленію департаментскаго совѣта относительно мэра и прокурора Парижской Коммуны. (*Прим. Шометта*).
(Проф. Оларъ приводитъ слѣдующее заглавіе этой книжки: *Proclamation du roi et recueil de piéces relatives à l'arréte du Conseil du département du 6 Juillet 1792, concernant le maire et le procureur de la Commune de Paris*).

свою новую партію, въ слѣдующее же воскресенье устроилъ смотръ національной гвардіи на Елисейскихъ поляхъ. *Королевскій принцъ* явился туда со своей матерью, одѣтый въ національную форму. Придворные лакейки, поставленные Лафайетомъ во главѣ національной гвардіи, просили и короля надѣть эту форму. «*Я посмотрю сперва*», отвѣчала лицемѣрный Людовикъ, «*позволяетъ ли мнѣ это конституція*». Специально поставленные для того наемные люди во всю глотку орали на этомъ смотру: —*Да здравствуетъ король!*—Офицеры, съ своей стороны, кричали визгливыми голосами:—*Да здравствуетъ королева!*—Нѣсколько случившихся тамъ дюжихъ рабочихъ попробовали крикнуть «*Да здравствуетъ нація!*», но ихъ чуть не прогнали.

Послѣ этого смотра появилась новая королевская прокламація, превзошедшая своимъ коварствомъ всѣ предыдущія: ея единственнымъ результатомъ былъ новый ростъ недовольства противъ двора.

Жители Сентъ-Антуанскаго и Сентъ-Марсо предмѣстій, полные негодованія при видѣ арестовъ и преслѣдованій патриотовъ, обратились къ Национальному Собранію съ новой петиціей. Это было съ ихъ стороны новымъ проявленіемъ мужества, выраженіемъ готовности раздѣлить общую участь преслѣдуемыхъ.

Вотъ адресъ, представленный ими тогда Законодательному Корпусу:

«Законодатели! Виновникамъ сборища, имѣвшаго мѣсто въ среду, грозятъ преслѣдованія. Мы являемся сюда, чтобы раскрыть ихъ имена и предать ихъ мщенію недоброжелателей. Это мы... Это мы, отцы семействъ, граждане, солдаты, побѣдители Бастиліи; это мы, уставши отъ постоянныхъ комплотовъ, оскорбленій, наносимыхъ наци и Законодательному Корпусу и раздоровъ, посябланныхъ коварными людьми между законодательной и исполнительной властью, и вида, какъ дерзко поднимать въ послѣднее время голову антипатріотизмъ, это мы собрали всѣхъ участниковъ 14-го іюля, чтобы возобновить нашъ братскій союзъ; это мы пожелали себѣ чести продефилировать передъ вами, подобно многимъ другимъ батальонамъ, чтобы сдѣлать васъ свидѣтелями гармоніи, царящей между друзьями равенства; это мы, негодуя на отставку патриотическихъ министровъ, на низость и коварство двора, на препоны, чинимыя работѣ Законодательнаго Корпуса, пожелали явить королю зрѣлище 20.000 рукъ, вооружившихся на защиту Национальнаго Собранія... Это насъ осыпали за это оскорбленіями, обидами и клеветой; это насъ придворные лакейки пытались довести до крайнихъ шаговъ, обзывая разбойниками и бунтовщиками: это насъ разрисовали каннибалами, жаждущими

крови своихъ братьевъ по оружію, насъ поставили между огнемъ національной гвардіи, которую мы уважаемъ, съ которой мы хотѣли бы слиться, и негодованиемъ Законодательнаго Корпуса, на защиту котораго мы явились.

Да, наши преступленія непростительны. Разъ прозвонивши въ набатъ свободы и разорвавъ первыя звенья давившей Францію цѣпи, мы сохранили поведеніе свободныхъ людей и не пожелали вступить съ тираніей въ сдѣлку; мы захотѣли использовать полноту своихъ правъ и предали презрѣнію и ненависти всяческія секты и партіи. Да, преступленій противъ тираніи мы совершили много. Когда версальскіе янычары заставили вашихъ предшественниковъ скрыться въ залу «Jeu de paume», мы одни поддержали мужество Національнаго Собранія противъ арміи тирановъ и рабовъ, и вмѣстѣ съ бравыми гренадерами жандармеріи составили для него ограду изъ нашихъ тѣлъ; мы апплодировали его горячему рвенію, мы зывали къ патриотизму франковъ; а когда демонъ двора простеръ надъ столицей свой мрачный крапль, мы надѣли на себя національныя кокарды, принялись ковать пики, звать солдатъ къ гражданскому долгу, сокрушать Бастилію и закладывать прочный фундаментъ для алтаря свободы... Законодатели, мы нарушали тогда законы и оказывали сопротивленіе королевской волѣ... Три года уже противники равенства стараются раздавить всѣхъ гражданъ, не поддавшихся ихъ соблазнамъ, и внести въ нашу средѣ корыстный раздоръ; три года уже неутомимое честолюбіе партій прибѣгаетъ то къ силѣ, то къ хитрости, чтобы заставить насъ служить ихъ страстямъ. Неподкупные и гордые, мы снова и снова собираемся вокругъ Національнаго Собранія, которое они, во что бы то ни стало, хотятъ унижить и которое они хотятъ распустить... Вотъ наши преступленія... И вотъ услуги, оказанныя дѣду свободы со стороны тѣхъ, кто требуетъ «конституціи во всемъ ея цѣломъ»¹⁾.

Скрытые въ версальскихъ переднихъ, пока народная сѣкира вдребезгъ разбивала деспотическій тронъ, они вылѣзли изъ своихъ 'норъ, когда увидѣли своихъ идоловъ опрокинутыми: тутъ-то и составилъ ихъ проектъ подѣлить между собою наслѣдіе аристократіи. *Возстаніе явилось тогда съ нашей стороны священнѣйшимъ долгомъ, казнь лакеевъ деспотизма тиранноубійствомъ, достойнымъ всякихъ похвалъ, и народъ парижскихъ предмѣстій превратился въ семью героевъ...* Съ легковѣріемъ, достойнымъ развѣ лишь королей, мы вручили имъ званіе народныхъ довѣренныхъ. Почетныя мѣста, гражданскіе лавры—все полу-

¹⁾ Т.-е. умѣренные теченія, пытавшіяся остановить дальнѣйшее развитіе революціи во имя только что принятой конституціи.

чили они за свои революціонныя выступленія, но интрига была возведена ими вскорѣ въ систему, угашеніе пламени равенства—въ принципъ. Съ этого времени они ввели (для національной гвардіи) военную форму, придумали титулъ активныхъ гражданъ, поставили на мѣсто наслѣдственно привилегированнаго класса аристократію денегъ и т. д., прививши такимъ образомъ конституціи, при самомъ зарожденіи ея, разлагающей ядъ анархіи. Оппозиція народа и просвѣщенныхъ людей приводила ихъ въ бѣшенство. Слишкомъ слабые, чтобы открыто противиться волѣ народа, они согласились на сдѣлку съ нашими бывшими угнетателями и поклялись погубить ревнителей равенства. Чтобы сдѣлаться господами народа, они согласились стать слугами заговорщиковъ. Имъ обязаны мы смутами, нищетой, агитаціей, разоряющей Францію. Ихъ рукъ дѣло—непрерывно раскрываемые и непрерывно возрождающіеся комплоты, бесплатныя и періодически выходящія книжонки, продажныя авторы которыхъ клеветуютъ, походя, на Національное Собраніе, оскорбляютъ бѣдняка, ими же оставленнаго и безъ имущества, и безъ правъ, раздуваютъ пламя гражданской войны и стараются обратить мечъ законовъ противъ самихъ законовъ. Привѣтствовать ихъ такъ называемую умѣренность, ихъ превратные принципы, ихъ политическое разбойничество и придворныя интриги и такъ называемыя «конституціонныя базы», это значитъ быть честнымъ и добрымъ гражданиномъ. Роялизмъ, съ точки зрѣнія этихъ революціонныхъ гермафродитовъ, стоитъ всѣхъ добродѣтелей, вмѣстѣ взятыхъ. Посмѣйте только подумать, что монарха окружаютъ люди, готовые корыстно его обмануть, осмѣлятся намекнуть на существованіе аристократическихъ комплотовъ, и вы уже бунтовщикъ, разбойникъ, нарушитель общественнаго спокойствія, преступникъ, посягающій на конституцію.

Да, законодатели, все, что способно льстить мелкимъ страстямъ и честолюбію этихъ низкихъ интригановъ, все это отвѣчаетъ законамъ, а все то, что ослабляетъ ихъ вліяніе, просвѣщаетъ народъ и раскрываетъ планы заговорщиковъ, называется нарушеніемъ законныхъ началъ... Когда дѣло шло объ избличеніи виновныхъ министровъ, вы слышали изъ ихъ устъ апологію вѣроломства... Король назначилъ своими агентами патриотовъ; и вся избличаемая нами банда готова итти гораздо дальше тѣхъ самыхъ горячихъ головъ, критику которыхъ они только что сами не одобряли... Когда Серванъ (военный министръ въ жирондистскомъ кабинетѣ 1792 г. И. X.) внесъ свое предложеніе объ устройствѣ 20-тысячнаго военнаго лагеря, они первые, забывъ собственныя теоріи о неприкосновенности министровъ, потребовали

привлеченія его къ суду. Не было такихъ преступленій, ошибокъ, небрежностей Королевскаго Совѣта, для которыхъ они не находили бы извиненій. Не было такого декрета Законодательнаго Корпуса, который они не постарались бы оклеветать. Петиціи, прокламаціи, административныя и военныя сатирическія брошюры, письма прославленнаго генерала—все пускалось ими въ ходъ, чтобы добиться министерства продавашагося антинародной клинкѣ, свести на-нѣтъ рѣшенія Законодательнаго Корпуса и прикрыть преступниковъ, съ евангеліемъ въ рукахъ проповѣдующихъ убійство и гражданскую войну! И эти интриганы, поведеніе которыхъ мы вамъ рисуемъ, смѣютъ говорить, что имъ невѣдомы партіи! Это мы, честные ремесленники—крамольники, царевубійцы, разбойники, враги конституціи! Великій Боже, но если ужъ мы заслужили эти позорныя клички, то скажите намъ, преступники и низкіе клеветники, какое же вы-то заслужили тогда себѣ имя? Какъ, три года уже, какъ убійцы куютъ противъ отечества козни, три года, какъ попы заливаютъ кровью все королевство, и ихъ защищаютъ! И тѣ, кто грабятъ насъ, готовятъ намъ униженіе и гибель, дерзаетъ еще намъ угрожать! Ужъ не эти ли мерзостныя продѣлки называть конституціей, справедливостью, порядкомъ, законами? У нихъ впрочемъ все хорошо, что содѣйствуетъ ихъ успѣху... Да и гдѣ имъ быть разборчивыми въ средствахъ: вѣдь для того, чтобы урвать себѣ мѣсто при дворѣ конституціоннаго короля, они не поколебались пройти черезъ тысячу труповъ. (Намекъ на событіе 17-го іюля 1791 года на Марсовомъ полѣ. И. X.). Когда потомки безпристрастнымъ взоромъ окинутъ страницы нашей исторіи, ихъ удивить, конечно, не поведеніе нашихъ поддыхъ клеветниковъ, а великодушіе, проявленное по отношенію къ нимъ народомъ!

Прежде чѣмъ удалиться отсюда, мы еще разъ скажемъ вамъ истину. Не откуда-нибудь, а отъ подножія трона распространяется по артеріямъ государства потокъ политическаго разврата. Исполнительная власть—вотъ причина всѣхъ золъ. Смута вытекаетъ изъ анархіи, анархія—изъ партійныхъ интригъ, интриги—изъ развращающей дѣятельности двора. Каждый тянетъ теперь свою руку къ министерскому мѣсту. Этого не могло бы быть, если бы монархъ былъ не такъ богатъ, и если бы всѣми мѣстами распоряжался народъ.... Насъ всячески могутъ хулить, могутъ, сколько угодно, распространяться на тему объ убожествѣ и звѣроподобіи черни, могутъ не отказать себѣ въ удовольствіи даже перестрѣлять извѣстное количество «тихъ негодяевъ», но всѣ эти оскорбленія и убійства не отвѣтятъ все-таки на наши аргументы: не кровью народа смыть преступления тираниіи и ошибки Учредительнаго Собранія!

Вы—наши представители... Такъ подумайте же о средствахъ спасти отечество, о томъ, какъ отвратить угрожающія ему опасности. Общая опасность да объединитъ васъ!... И можетъ ли быть для васъ что-нибудь дороже интересовъ вашихъ согражданъ, вашихъ женъ, вашихъ дѣтей?... Если бы побѣда надъ свободными людьми оказалась возможной, не стали ли бы вы всѣ жертвами мщенія деспотизма?... Вѣдь даже тѣ изъ васъ, кто по слабости, умѣренности или осторожности поддерживалъ проекты противниковъ равенства, даже они погибли бы тогда на эшафотѣ вмѣстѣ съ самыми ревностными изъ гражданъ... Однимъ преступленіемъ больше, столькими то головами меньше—развѣ считаются съ этимъ цари земли?... Не оставайтесь же, законодатели, глухими къ нашимъ доводамъ и къ нашимъ просьбамъ... Посмотрите, лучшее королевство въ мірѣ тѣснится вокругъ рѣшетки, за которой вы сядете, вызываетъ къ вашей энергіи, окружаетъ васъ своимъ оружіемъ и, возлагая на васъ всѣ свои чаянія, ждетъ своего спасенія только отъ васъ. Суждено ли сдѣлаться ему добычею иностранцевъ или разбойниковъ, находящихся внутри страны?... Неужели небо судило ему позорную и скорбную участь погибнуть въ мукахъ анархіи и ужасахъ гражданской войны? Вы трепещете, законодатели? Такъ знайте же, что несчастье это неизбѣжно, если вы не будете тверды и безпощадны, если благо народа не станетъ основою вашей работы. Нѣтъ, какія угодно страданія, какіе угодно ужасы нищеты и кровавыхъ сраженій; умремъ, если нужно, только бы не видѣть этого скорбнаго зрѣлища, только бы не стать орудіемъ собственнаго позора и собственной гибели!... Да, законодатели, умремъ, но не покроемъ себя позоромъ!»... 1).

Выслушавъ петицію, Національное Собраніе осталось нѣмымъ,

¹⁾ Эта характерная для эпохи петиція была прочитана въ засѣданіи 25 іюня, популярнѣйшимъ въ то время ораторомъ Сень-Антуанскаго предѣлства рабочимъ шелковаго производства Гоншономъ. Ей предшествовало слѣдующее, адресованное президенту Законодательнаго собранія письмо: «Господинъ президентъ! Населеніе столицы взволновано слухами идущей будто бы въ ея предѣлахъ агитаціи. Распространителями тревожныхъ слуховъ являющаяся лица, заинтересованная въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Въ предѣлахъ Сень-Марсо не даѣе, какъ сегодня утромъ, можно было встрѣтить немало этихъ людей; они громно возмущались событіями 20-го іюня, и сами такимъ образомъ возбуждали народъ: ихъ всюду встрѣчали презрѣніемъ. Секція «Госпиталя Трехсотъ» (Quinze-Vingts), законно созванная, назначила 20 комиссаровъ для представленія Національному Собранію отчета. Они ядутъ чести быть допущенными въ Собраніе. Когда рѣчь ихъ будетъ выслушана, истинные виновники агитаціи раскаются, быть можетъ, въ своихъ опасныхъ для блага отечества дѣйствіяхъ. Съ истиннымъ почтеніемъ, ваши, господинъ президентъ, покорнѣйшіе слуги: За депутацію Гоншонъ»...

²⁾ Чтеніе петиціи было покрыто аплодисментами, и Собраніе сдѣлало постановленіе о ея напечатаніи и разсылкѣ по всѣмъ департаментамъ.

Ср. *Mortimer-Tenauz. Histoire de la Terreur. I. 268 Moniteur. XII. 754.*

какъ бы изумленное этимъ выступленіемъ. И не мудрено: оно само было тиранизировано дворомъ, и вполне заслужило такую участь, ибо превратилось въ стадо рабовъ, прикованныхъ къ колесницѣ безстыдныхъ владыкъ, купающихся въ преступленіи. Изумленіе это обнаружило истинные размѣры его энергіи, доблестей и заслуженнаго имъ уваженія. Но лица, составлявшія его, облечены были высокимъ званіемъ народныхъ представителей: среди нихъ находились при этомъ, хотя и въ меньшинствѣ, патріоты, вполне достойные уваженія, мужественные и чуждые всякимъ интригамъ; кромѣ того патріотамъ вообще нуженъ былъ какой-нибудь объединяющій центръ помимо пресловутой конституціи, написанной подъ тѣнью краснаго знамени кровью перебитыхъ на Марсовомъ полѣ гражданъ,—ненавистной конституціи, явившейся плодомъ корыстныхъ продѣлокъ и источникомъ всѣхъ несчастій Франціи. Эти-то соображенія и сдержали народный ропотъ противъ Собранія. Да и вообще не время было тогда для раздоровъ: опаснѣйшимъ врагомъ оставался дворъ; на него-то и нужно было направлять всѣ удары.

Большая часть департаментскихъ директорій послѣдовали примѣру Парижской и постарались даже перещеголять ее въ низости. Адресы королю противъ народа и Національному Собранію противъ событий 20-го іюня сыпались со всѣхъ сторонъ; одни изъ нихъ составлялись въ кабакахъ, другіе подъ золочеными потолками и за столами, набитыми пачками ассигнацій, въ канцеляріяхъ прокуроровъ, адвокатовъ и нотаріусовъ, которые расписывали своихъ управляемыхъ въ самыхъ желанныхъ для двора и самыхъ гибельныхъ для дѣла свободы краскахъ. Всѣ неизмѣнно носили на себѣ отпечатокъ интриганства, благодаря которому явились, въ сущности, на свѣтъ и самыя учрежденія эти, извѣстныя подъ названіемъ директорій. Всѣмъ, кому случалось бывать на избирательныхъ собраніяхъ, хорошо извѣстно, какъ происходятъ тамъ назначенія администраторовъ. Не честность, не скромныя заслуги, не таланты и даже не честолюбіе привлекаютъ къ себѣ голоса. Назначеніе получаетъ почти всегда какой-нибудь грязный безпутный болтунъ, лучше другихъ сумѣвшій расположить къ себѣ жокаковъ. Кому же, какъ не такимъ людямъ было помогать преступленіямъ двора и предавать интересы своихъ довѣрителей... Бѣдные французы! И ваши выборы всегда таковы! Вы все еще не исправились! Но скромныя достоинства и истинная талантливость не спали къ счастью подъ кровлями хижинъ и на народныхъ собраніяхъ. Оттуда-то и раздавался тревожный сигналъ, призывъ къ рѣшительному наступленію противъ всѣхъ пороковъ. Рука невѣдомой и презираемой добродѣтели метнула молнію въ королевскій дворецъ.

Въ это же самое время возобновились съ большимъ шумомъ и знаменитыя петиціи восьми и двадцати тысячъ 4). Списки ихъ лежали у нотаріусовъ, и каждый заговорщикъ или каждый дуракъ могли итти туда прикладывать свою подпись. Представленіе ихъ Національному Собранію явилось знакомъ вполне созрѣвшихъ комплотовъ: съ этихъ поръ уже ничего не скрывали.

Въ одинъ прекрасный день дворцовая банда должна была возбудить въ Парижѣ волненія, собрать затѣмъ свои полчища и, направивъ ихъ на предначинанья для избіенія мѣста, обагрить ихъ кровью французовъ. Послѣ этой экспедиціи надлежало спустить, тоже перебитое частью, Національное Собраніе, а генералы открыли бы тѣмъ временемъ границы для иностранныхъ армій, и за предварительной бойней послѣдовали бы систематическія проскрипціи, работа палачей и дѣйствіе орудій пытки, поливаемыхъ кровью друзей свободы. Лишь послѣ того, какъ голова и внутренности послѣдняго свободогаго челоуѣка и вѣрнаго сына родины пали бы къ подножію трона, дворъ счелъ бы для себя позволительнымъ отдыхъ. Сцены ужаса должны были бы повториться по всѣмъ угламъ Франціи. Тогда воскресъ бы старый режимъ съ его десятинами, налогомъ на соль, феодалными правами и подмогами: крѣпостное право добило бы тѣхъ, кто пережили бы это всеобщее столпотвореніе. Наглое и тираническое дворянство, деспотическое и безнравственное духовенство *именемъ короля* устанавливали бы для страны законы, и необузданная и безчеловѣчная солдатчина замѣнила бы братскій режимъ національныхъ гвардій. Длинныя мантіи кляузниковъ замѣнили бы собою трехцвѣтные шарфы, унижительная одежда илютовъ—національную кокарду гвардейцевъ. На мѣсто слав-

4) «Петиція 20-ти тысячъ» (представленная въ Законодательное Собраніе 1-го іюля въ видѣ протеста противъ событий 20-го іюня) вмѣстѣ съ адресомъ Національному Собранію и письмомъ къ королю директоріи департамента Соммы, являются наиболѣе яркими и показательными для тогдашняго настроенія буржуазіи документами. Они указывали на недостаточность военныхъ силъ Парижа для охраны короля и конституціи отъ «покушеній кучки преступниковъ, готовыхъ поставить свою тираническую волю на мѣсто законно и свободно выраженной вамъ націи», на необходимость усиленія ихъ военными силами департаментовъ и строжайшаго надзора за поведеніемъ «агитаторовъ и жокаковъ мятежныхъ «борищъ». Королю высказывалась благодарность за проявленное имъ мужество, и выражалась увѣренность, что «онъ будетъ и впредь охранять конституцію, выдвигая противъ вѣдшихъ ея враговъ силу оружія, а противъ внутреннихъ всѣ права врученные ему народомъ»... (Ср. «Moniteur» XIII. 20. Mortimer-Fernaux. Hist. de la Terreur. I. 274—279)... Сопоставленіе этихъ документовъ съ только что приведенной народной петиціей позволяетъ видѣть, какая глубокая пропасть образовалась къ этому времени между настроеніемъ буржуазіи и «народа» и судить, какими важнымъ факторомъ должна была сдѣлаться въ послѣдующихъ событіяхъ революціи классовая борьба *внутри* представлявшаго націю «третьяго сословія».

ныхъ деревьевъ свободы воздвиглись бы линіи висѣлицъ и позорныхъ столбовъ, на которыхъ качались бы гниющіе трупы нашихъ братьевъ, а вокругъ нихъ съ криками «да здравствуетъ король» плясали бы придворные убійцы—ужасная пародія веселыхъ и невинныхъ танцевъ молодыхъ гражданъ и дѣвушекъ вокругъ посвященныхъ нашему божеству дубовъ!

Эти черные заговоры сплетались ловкими и искусными руками на глазахъ двора; планы атакъ и военныхъ дѣйствій были уже начерчены; въ мелкомъ масштабѣ ихъ уже выполняли, и громовые аплодисменты, которыми актеры покрывали при этомъ самихъ себя, говорили объ ихъ наглой самоувѣренности.

Для общаго успѣха нужно было добиться успѣха въ Парижѣ. Дворъ принялъ всѣ необходимыя для этого мѣры. Высота надворныхъ стѣнъ королевскаго замка была увеличена; самыя замки укрѣплены; садъ Тюильери запертъ, и внутри его устроенъ лагерь. На мѣсто цвѣточныхъ клумбъ тамъ виднѣлись теперь солдатскія палатки. Вокругъ дворца и въ вестибюль была разставлена цѣлая батарея пушекъ, и тамъ же устроенъ арсеналъ. Линейныя войска, швейцарцы, жандармерія и аристократы по выбору батальонныхъ командировъ несли тамъ постоянную службу и подъ наблюденіемъ короля производили репетиціи бойни. Инженеры выработывали планы обороны и нападенія. причемъ король собственноручно исправлялъ ихъ, высказывал свое одобреніе и платилъ за нихъ деньги.

Въ королевскомъ дворцѣ собирались теперь измѣнники. Враги свободы и профессиональные заговорщики со всего Парижа изъ департаментовъ и изъ-за границы. Входъ во дворецъ былъ открытъ только имъ, и входныя карточки выдавались завѣдующими гражданскимъ листомъ.

Граждане молча негодовали на лишеніе ихъ любимаго мѣста прогулокъ и на направленные противъ нихъ враждебныя мѣры. Но изъ страха очутиться передъ созданнымъ въ Тюильери трибуналомъ не рѣшались высказывать своего негодованія вслухъ: грязныя преступленія этого трибунала дѣйствовали устрашающе на слабыя души. Многие изъ патріотовъ, приведенныхъ къ этимъ прикованнымъ къ подножію трона тиграмъ, не вернулись, говорятъ, оттуда, и что съ ними сдѣлалось, никто не узналъ.

Министры, съ своей стороны, обрабатывали, при помощи генераловъ, департаменты и армію, такъ что партія короля пріобрѣла въ это время огромную силу, и онъ могъ рассчитывать въ своихъ антиреволюціонныхъ предпріятіяхъ на самый блестящій успѣхъ. Въ странѣ клеветали на армію; въ арміи клеветали на страну; муниципалитеты вооружались на муниципаль-

теты, департаменты на департаменты, граждане на гражданъ. Чего лучшаго могла желать для себя тиранія? Лафайэтъ рѣшилъ, что пора начинать. Его знаменитая выходка противъ Національнаго Собранія и народныхъ обществъ (См. выше стр. 87—88. *И. Х.*), приказы, продиктованные имъ Законодательному Корпусу, его исключительное рвеніе къ королевской службѣ и, наконецъ, его манифестъ—вызвали всеобщее раздраженіе, такъ что самымъ выжимымъ его почитателямъ приходилось отрицать въ печати подлинность манифеста, такъ какъ ни открыто порицать, ни одобрять его они не рѣшались. Каково же было негодованіе и удивленіе гражданъ, когда они увидѣли Лафайэта преспокойно выходящимъ изъ воротъ Тюильерскаго замка, и когда онъ, весь осыпанный грязными милостями двора, предсталъ самолично передъ рѣшеткой Національнаго Собранія и не только призналъ подлинность своего манифеста, но и дополнилъ его новыми гнусностями? ¹⁾ Общее возмущеніе было такъ велико, что превзойти его могло развѣ лишь возмущеніе, вызванное аплодисментами большинства Законодательнаго Корпуса по адресу этого намѣнника.

Онъ предсталъ передъ рѣшеткой Собранія въ формѣ генерала—звание, которое въ силу конституціи было снято съ него, какъ съ члена Конституанты (Учредительнаго Собранія). Онъ въ лицо оскорбилъ патріотическую часть депутатовъ, онъ звалъ къ борьбѣ противъ Франціи, въ самомъ храмѣ законовъ попралъ ногами законы, а ему аплодировали! И извергъ этотъ живымъ ушелъ изъ Національнаго Собранія! А народъ? Но народа уже не было. или върнѣе онъ занятъ былъ собираніемъ силъ для болѣе рѣшительнаго удара ²⁾.

¹⁾ Лафайэтъ, явившійся въ Національное Собраніе 27-го іюня. мотивировалъ свой пріѣздъ въ Парижъ желаніемъ выразить отъ имени всей арміи свое негодованіе по поводу событій 20-го іюня: «Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, завилъ онъ, всѣ какъ одинъ человѣкъ, полны патріотической ненавистью къ крамольникамъ (factieux). Я задержалъ составленные ими адреса, чтобы лично явиться здѣсь выразителемъ ихъ чувствъ... Я умоляю Національное Собраніе подвергнуть пресѣдованію, какъ тяжкихъ преступниковъ противъ дворца... Отъ имени всѣхъ честныхъ людей (эти слова были встрѣчены протестами лѣвой) умоляю васъ принять дѣйствительныя мѣры къ защитѣ установленныхъ закономъ властей и т. д.». Несмотря на энергичныя возраженія и протесты лѣвой части собранія, большинство его выразило Лафайэту одобреніе и приняло предложенную правыми резолюцію о передачѣ его петиціи въ комиссію «для выработки мѣръ къ устраниенію указанныхъ въ ней непорядковъ». *Moniteur*. XII. 777—778.

²⁾ Болѣе двадцати придворныхъ каретъ и сильный отрядъ гренадеръ окружали Лафайэта, когда онъ уѣзжалъ изъ Парижа. Гренадеры эти заставляли впередъ и заставляли жителей деревень, подъ страхомъ включенія въ Парижскую проскрипцію, надѣвать доспѣхи (armes) и съ букетами въ рукахъ являться навстрѣчу своему диктатору. Эти вырванные

Национальное Собрание, взволнованное мыслями о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя оно предвидѣло, но для борьбы противъ которыхъ оно не знало уже никакихъ средствъ, взялось за всеобщее примиреніе. Предложеніе о немъ было сдѣлано попомъ 4), и примиреніе вышло по истинѣ поповскимъ: обѣ стороны дали другъ другу лобзаніе Иуды и смѣшались между собой, но можно ли было соединить Аримана съ Ормуздомъ?

За сближеніемъ этимъ, явившимся мошенничествомъ со стороны однихъ и самоумерщвленіемъ для другихъ, послѣдовала торжественная депутація къ королю, который поспѣшилъ явиться лично привѣтствовать Законодательный Корпусъ. Когда онъ заявилъ, что *его желаніе исполнилось, и что онъ очень доволенъ состоявшимся объединеніемъ*, зала въ теченіе четверти часа дрожала отъ аплодисментовъ и криковъ «*Да здравствуетъ король!*» Эхо этихъ криковъ донеслось и до замка, и было встрѣчено тамъ свистками и взрывами смѣха.

Вслѣдъ затѣмъ Людовикъ XVI отперъ ворота замка и вышелъ къ амбразурѣ огня, но убѣдившись, что народъ не раздѣляетъ балаганной маніи своихъ трусливыхъ представителей, только что заставившихъ сыграть его столь глупую роль, и что ни одно «да здравствуетъ король!» не долетаетъ до его ушей, онъ снова заперъ Тюильери и во-всю принялся за свои козни.

Приближалось 14-е іюля. Многіе города, узнавши о положеніи Законодательнаго Корпуса и объ унынїи, охватившемъ парижанъ, отправили Национальному Собранію ободрительные адреса, упрекая его за недостатокъ энергїи и предлагая прислать на помощь Парижу свои военныя силы. Изъ всѣхъ нихъ особенно выдѣлялся Марсель. Немало патріотическихъ батальоновъ находилось уже въ пути. Законодательный Корпусъ постановилъ пригласить эти батальоны въ Парижъ на праздникъ 14-го іюля, и уже оттуда отправить въ Суассонъ, гдѣ для нихъ сооружался особый лагерь.

насиліемъ почти не успокоили однако генерала, и немного спустя, въ Компьенскомъ лѣсу онъ отдался привадамъ раскаянія, не зная, что ему дѣлать и какъ себя спасти. (Прим. Шометта):

4) Въ собраніи 7 іюля (1792 г.) епископъ Ламуреттъ (депутатъ Роны и Луары) предложилъ примиреніе двухъ сторонъ Национальнаго Собранія передъ лицомъ внѣшней опасности и во имя сохраненія конституціи. Для устраненія главнаго повода ко взаимному недовѣрїю лѣвые должны были торжественно заявить себя противниками республики, а правые—отказаться отъ симпатїй къ двухпалатной аристократической системѣ. «Проклянемъ единодушно и республику, и двѣ палаты!»—воскричалъ Ламуреттъ.—«И закрѣпимъ наше проклятіе присягой!»... Да соединитъ насъ общее чувство ненависти и къ анархїи, и къ феодализму!... На предложеіе «встать, кто отвергаетъ и проклинаетъ республику и двѣ палаты» поднимается все собраніе и при громкихъ аплодисментахъ трибуны депутаты бросаются со своихъ мѣсть другъ къ другу, обнимаются и смѣшиваются въ общую кучу (*Moniteur* XIII, 70).

Сцена эта извѣстна подъ названіемъ «поцѣлуевъ Ламуретта».

Дворъ противился ихъ приходу, и министръ послалъ отрядамъ приказъ вернуться обратно. Нѣкоторые отряды повиновались, другіе продолжали свой путь, и, опираясь на новую декларацію Законодательнаго Корпуса, даже ускорили маршъ.

Предательскія дѣйствія Лафайэта вскорѣ всплыли наружу. Армія наша была разбита и дезорганизована еще въ нѣсколькихъ пунктахъ. Имѣли наглость обвинять въ этомъ солдатъ, но истиннымъ авторомъ всего былъ король и его партизаны. Наши арміи занимали очень выгодную позицію въ Куртрѣ, и какъ разъ Куртрѣ было очищено, мало того—сожжено—однимъ изъ нашихъ генераловъ. Такъ наказаны были несчастные жители этой страны за то, что приняли къ себѣ наши войска: за услуги, оказанныя намъ, мы отдали ихъ на растерзаніе жестокимъ австрійцамъ.

Защитники угнетенной свободы прибывали со всѣхъ сторонъ. Дворъ напускалъ на нихъ своихъ вербовщиковъ, рассчитывая перемѣнить ихъ настроеніе, но добрые граждане свели его усиліе на нѣтъ, они толпой окружали этихъ вербовщиковъ и увлекали ихъ на свою сторону.

Въ Национальномъ Собраніи давно уже поднимался вопросъ объ объявленіи *отечества въ опасности*. Но ни пренія по этому поводу, ни декларація, явившаяся ихъ результатомъ, не могли ни въ чемъ измѣнить нашихъ дѣлъ. Собраніе упорно молчало о томъ, что дѣйствительно подвергало отечество опасности. О поведеніи двора въ этихъ пренїяхъ ничего не говорилось, а въ немъ-то народъ и видѣлъ единственнаго виновника своихъ бѣдствій. Ангелъ истребленія королей уже отмѣтилъ клеймомъ свои жертвы.

Вотъ актъ Законодательнаго Корпуса, предшествовавшій знаменитому объявленію отечества въ опасности; онъ датированъ 11-мъ іюля:

«Многочисленныя арміи двигаются къ нашимъ границамъ; всѣ ненавистники свободы вооружаются противъ нашей конституціи. Граждане, *отечество въ опасности!* Пусть тѣ, кто имѣлъ уже счастье встать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту свободы, помнить, что они французы и свободные люди, а сограждане ихъ пусть сохраняютъ у своихъ очаговъ безопасность личности и имущества! Магистраты народа да бодрствуютъ! Всѣ вообще да сохранять спокойствіе въ сознаніи своей силы, а для дѣйствія пусть ждуть сигнала отъ тѣхъ, кого уполномочилъ на это законъ! При этихъ условїяхъ отечество будетъ спасено».

Президентъ произнесъ эту формулу, а за нею послѣдовали два адреса—одинъ къ народу, другой къ французской арміи.

Министрамъ поручено было дать отчетъ о состояніи Франціи. Каждый изъ нихъ составилъ свой рапортъ—одинъ тревожнѣе

другого. Стиль этихъ рапортовъ былъ обычный для двора, стиль—дѣланный, двусмысленный, полный выпадовъ противъ друзей свободы. Въ концѣ-концовъ, сославшись на то, что Франція находится на краю гибели, министры заявили, черезъ своего коллегу—министра юстиціи, что они уже вручили королю свою отставку.

Видя крушеніе своихъ первыхъ попытокъ, дворъ рѣшилъ, что для открытыхъ дѣйствій время еще не пришло. Онъ сдѣлалъ видъ, что склоняется къ миру. Наемныя газеты перемѣнили тонъ, и для всѣхъ было ясно, что это значитъ. Антиреволюціонная и фанатическая армія измѣнника Дюсайяна, вмѣстѣ съ контр-революціонерами Арля и контр-революціонерами, руководимыми принципами-эмигрантами, *именемъ короля* творили ужасы, на югѣ Франціи. Контр-революціонеры Парижа, не считаясь съ намѣреніями двора и выработанной тамъ тактикой, продолжали свои нахальные выходки.

Все это мало способствовало, конечно, успокоенію умовъ.

Съ другой стороны, Національное Собраніе осаждалось депутациями и адресами, единодушно избличавшими дворъ и директорію парижскаго Департамента; они требовали возвращенія къ должности мэра и прокурора Парижской Коммуны, уволенныхъ произвольно и незаконно. 13-го іюля, наканунѣ національнаго праздника, Національное Собраніе декретировало наконецъ олученію отставки мэра Петіона и приостановку этой мѣры по отношенію къ прокурору коммуны Манюэлю, впредь до выслушанія его личныхъ объясненій ¹⁾.

Декретъ этотъ послужилъ для парижскаго населенія сигналомъ для необузданнаго ликованія. Прекрасно видѣть, какъ граждане вступаютъ за своихъ магистратовъ, защищаютъ ихъ, уважаютъ и любятъ, разъ они оправдываютъ общественное довѣріе, но унижительное и полное опасностей зрѣлище представляютъ собою граждане, предающіеся неумѣренному идолопоклонству. Людямъ философскаго образа мыслей, друзьямъ свободы, пришлось не разъ подавить въ себѣ стонъ, повсюду слыша крики *«Да здравствуетъ Петіонъ! Петіонъ или смерть!»*. Именно этимъ путемъ народъ и создаетъ себѣ неблагодарныхъ измѣнниковъ. Подождите, несчастные! вы слишкомъ привыкли видѣть повсюду людей, и мало смотрите на вещи. Подождите: тотъ самый Петіонъ, котораго вы такъ *обожаєте* (раньше вы обожали Неккера, Мирабо, Барнава, Лафайэта) жестоко нака-

¹⁾ Петіонъ и Манюэль были устранены отъ должности 6 іюля по постановленію департаментской администраціи.

жетъ васъ за вашу слаботу, за вашу глупую манію ¹⁾. Да послушайте же хоть этотъ урокъ къ окончательному вашему исправленію!

Великій и медоточивый Петіонъ и не подумалъ, разумѣется, приостановить эти излишества, такъ или иначе уклониться отъ нихъ, и именно этимъ навсегда уронилъ себя въ глазахъ дальновидныхъ и строгихъ къ себѣ людей, уже предвидѣвшихъ, съ сокрушеніемъ въ душѣ, его будущее присоединеніе къ Бриссо (вождь жирондистовъ. *И. Х.*) и всей его академіи.

Рискуя навлечь на себя тотъ самый упрекъ, который я только что сдѣлалъ другимъ, т.-е., что я слишкомъ занимаюсь людьми, я позволю себѣ нѣсколько остановиться на Петіонѣ. Въ разгаръ описываемыхъ событій онъ издалъ памфлетъ противъ *богатыхъ* (поздѣе онъ же издалъ обращеніе къ богатымъ противъ бѣдныхъ); это нарасхватъ читавшееся произведеніе называлось *«Общія правила моего поведенія»*. Какой только лести, какихъ только похвалъ ни расточалъ онъ тамъ по адресу народа! (Въ 1792 г. это былъ еще для него *народъ*; въ 1793 году онъ отказывалъ уже въ этомъ званіи классамъ населенія, за которыми онъ раньше ухаживалъ, но въ которыхъ пересталъ нуждаться, послѣ того, какъ они по достоинству оцѣнили его!) Въ манифестѣ этомъ, который былъ выпущенъ въ видѣ афиши (около 20.000) и въ видѣ брошюръ (такое же приблизительно количество) мы находимъ сплошную серію филантропическихъ идей, уснащенныхъ похвалами *народу*, почтительными выраженіями по адресу *бѣдныхъ* и словами ободренія по адресу пылкихъ патріотовъ. Вотъ образецъ этихъ излияній, далеко еще не самый выразительный:

«У насъ, пишетъ Петіонъ, не привыкли долго разговаривать съ такъ называемой чернью—съ людьми, глубоко презираемыми нами за то, что они плохо одѣты; тюрьма, зуботычина—это гораздо проще. Повседневные примѣры такого обращенія туманятъ всѣмъ головы и развращаютъ сердца, а народъ, вмѣсто того, чтобы любить представителей власти, приучается ихъ ненавидѣть ²⁾. Онъ наподняется жаждою мести и противъ насилія естественно противопоставляетъ голую силу; онъ становится озлобленнымъ и опаснымъ. А потомъ наши собственные ошибки вѣбняются ему въ вину, и все общество оказывается

¹⁾ Петіонъ былъ замѣшанъ, какъ извѣстно, въ дѣло измѣннишаго революціонной Франціи генерала Дюмурье.

²⁾ Сдѣлавшись членомъ Конвента, этотъ же самый человекъ, не перетавая, нападалъ на законныя парижскія власти. Въ это время—увидъ онъ не былъ уже магистратомъ этого города, въ немъ уже не нуждались! съ нимъ не совѣтовались уже съ накой ноги ступать! И этимъ объясняется все. Sic perdidit eos superbia! (Прим. Шюметта).

въ состоянн войны, въ которой одна часть гражданъ всецѣло занята тѣмъ, что удерживаетъ и подавляетъ другую».

Сравните «общія правила поведенія», принятыя этимъ чсло-вѣкомъ, и поведеніе, котораго онъ самъ держался вполсѣдствіи въ Національномъ Конвентѣ! Раньше онъ говорилъ: «Сѣмени этого раздора нельзя заглушить ничѣмъ; тутъ непрерывная и неизбежная борьба между классомъ, старающимся выйти *изъ своего тягостнаго положенія, и остальными гражданами, которые стараются его въ немъ удержать*». А позднѣе этотъ несчастный громко взывалъ къ богатымъ противъ бѣдныхъ, и, ораторствуя въ парижскихъ секціяхъ, возбуждалъ противъ *класса, который стремится выйти изъ своего тяжелаго положенія, всѣхъ тѣхъ, кто стремится его въ немъ удержать*. И изъ этого то чело-вѣка, граждане Парижа, вы сдѣлали себѣ идола! Къ такому-то чело-вѣку вы привязались настолько, что не повѣрять въ *добродѣтельнаго Петіона*, свободно высказаться на его счетъ, значило стать въ вашихъ глазахъ врагомъ общественнаго блага!

IV. Праздникъ 14-го іюля (1792 г.).

Въ числѣ дней, намѣченныхъ нашими домашними врагами для осуществленія братоубійственныхъ проектовъ двора, было и 14-е іюля: огромное сборище на Марсовомъ полѣ предполагалось превратить въ арену войны. Съ одной стороны распространялись слухи, что федераты (т.-е. участники провинціальныхъ отрядовъ національной гвардіи, прибывшихъ въ Парижъ къ празднику 14-го іюля *И. Х.*) хотятъ расправиться со дворомъ, съ другой— что дворъ намѣревается на своихъ собственныхъ глазахъ осуществить замышленную имъ бойню народа. Болѣе робкіе граждане совсѣмъ не осмѣлились выйти въ этотъ день изъ дому, другіе явились на Марсово поле въ тревожномъ настроеніи, готовые при первой же попыткѣ преступниковъ сбросить съ себя маску расправиться съ ними на мѣстѣ.

Король, чтобы избѣжать косыхъ взглядовъ со стороны сопровождавшей Національное Собраніе толпы и не подвергнуться попыткѣ всеобщаго демонстративнаго молчанія во время движенія процессіи по улицамъ, а также и для того, чтобы не итти по лѣвую руку президента (Легислативы) отправился на Марсово поле раньше Національнаго Собранія, окруженный всѣмъ блескомъ могущественнаго деспота; его сопровождало около шести тысячъ чело-вѣкъ. Въ ожиданіи церемоніи онъ помѣстился со своей семьей и со своей дворней въ Военномъ Училищѣ (*Ecole Militaire*). Балконъ, на который онъ сталъ во время прохожденія кортежа

былъ покрытъ краснымъ бархатомъ — символъ ненавистнаго военнаго закона, на который онъ возлагалъ теперь всѣ надежды.

Всѣ полагали, что федераты явятся главными дѣйствующими лицами церемоніи, но не успѣли они показаться, какъ совершенно потонули въ толпѣ. Когда король поднялся къ алтарю, чтобы произнести гражданскую присягу, вмѣстѣ съ нимъ хотѣли подняться туда и его лакеи, но ихъ безо всякой церемоніи прогнали. Во время произнесенія присяги каждый говорилъ про себя, обращаясь мысленно къ Людовику XVI: «О предатель! Ты готовъ ежедневно принимать хоть тысячу присягъ, чтобы съ обычной легкостью всѣ ихъ нарушить!» Когда присутствующіе подняли на кончикахъ шпагъ свои шляпы въ знакъ присоединенія къ присягѣ, всѣ замѣтили, что швейцарцы сначала не тронулись съ мѣста, и только потомъ, послѣ нѣкотораго замѣшательства въ ихъ толпѣ, послѣдовали общему примѣру.

У алтаря было воздвигнуто дерево со всѣми атрибутами стараго строя и всѣми родовыми гербами. Были тутъ и гербы королевскихъ братьевъ, и гербы Лафайетовъ, и гербы департаментскаго президента Ларошфуко. Дерево это предполагалось смечь рукою президента Національнаго Собранія и рукою короля, но самъ ли Людовикъ XVI попросилъ избавить его отъ этой церемоніи, друзья ли его нашли ее неумѣстной, только сожженіе дерева совершилось безъ корсдія.

Такъ кончился этотъ день, отъ котораго ждали рѣшительнаго удара по королевской власти, но который въ дѣйствительности не нанесъ ей и царапины. Умы сохраняли однако свое влеченіе къ новому строю; при кажущейся беззаботности гражданъ въ нихъ легко можно было замѣтить присутствіе твердой и глубокой рѣшимости его осуществить.

Съ тѣхъ поръ какъ садъ и замокъ Тюильери были заперты и укрѣплены, граждане не могли уже такъ свободно проникать въ него-со своими мнѣніями, мощной поддержкой и коллективнымъ совѣтомъ. Распространился слухъ, что дворъ готовится нанести національному представительству ударъ. Немедленно воору-жаются тысячи рукъ; приносятъ огромное бревно и бьютъ имъ, какъ тараномъ, въ ворота Тюильерскаго сада. Друзья короля тѣмъ временемъ бѣгутъ къ церкви Св. Рока и бьютъ въ набатъ; по улицѣ Сентъ-Онорэ раздаются крики, что мятежники вры-ваются къ королю и грозятъ его жизни. Но на этомъ волненіи и останавливается. При видѣ муниципальнаго шарфа все успо-каивается, и дворъ, несмотря на свои хитрости, лишній разъ оказывается посрамленнымъ.

Однако объявленіе отечествъ въ опасности было сдѣлано;

а между тѣмъ арміи не хватало ни солдатъ ни припасовъ, и непріятель съ огромными, по сравненію съ нашими, силами переходилъ черезъ Эско. Нужно было отразить его, помѣшати вступленію на свободную землю. Единственной надеждой оставалось беззавѣтное мужество франковъ, принужденныхъ бороться одновременно и противъ арміи коалиціи, и противъ двора, и противъ примкнувшихъ къ нему департаментскихъ директорій.

Отечество не обманулось въ своихъ надеждахъ. 22-го іюля Парижскій муниципалитетъ объявляетъ отечество въ опасности. Церемонія лишена была вѣшняго блеска, но не говорила она и объ уныніи. На всѣхъ площадяхъ были воздвигнуты амфи-театры для производства записи рекрутовъ. Въ какихъ-нибудь три дня Парижъ представилъ отечеству армію въ 60.000 человекъ.

Национальное Собраніе подвергалось постояннымъ нападкамъ, угрозамъ и оскорбленіямъ со стороны собиравшихся въ Тюильерійской оградѣ контръ-революціонеровъ. Чтобы вывести наружу ихъ намѣренія, оно декретировало, что терраса фейяновъ составляетъ часть его территоріи, и въ соответствии съ этимъ декретомъ прилегающій къ мѣсту его собраній уголь Тюильерійскаго сада былъ открытъ для народа.

Все заставляло бояться, что наплывъ гражданъ окажется такъ великъ, что въ моментъ открытія и дворецъ и сады будутъ запружены народомъ. Но простая трехцвѣтная ленточка послужила для него непреодолимымъ барьеромъ: руки разрушителей бастилій покорно передъ ней опустились. Маленькая надпись со стороны террасы гласила: «*Территорія Франціи*», а другая, со стороны сада: «*Территорія Кобленца*». Интересное зрѣлище открывалось передъ наблюдателемъ, умѣющимъ философствовать: тысячи гражданъ, скученныхъ въ небольшомъ пространствѣ, не смѣли нарушить границы, отмѣченной маленькой ленточкой, тогда какъ цѣлая армія въ стальной щетинѣ штыковъ была бы смята и уничтожена въ одинъ мигъ, если бы ей пришлось сопротивляться этой массѣ народа. Тотъ, кто придумалъ эту ленточку былъ поистинѣ гениальнымъ человекомъ и глубокимъ политическимъ мыслителемъ, способнымъ руководить судьбою людей; онъ въ совершенствѣ знаетъ человеческое сердце, понималъ, какія движенія его находятъ отголосокъ въ толпѣ и какъ изъ маленькихъ средствъ могутъ вытекать великіе результаты.

30 іюля молодцы-марсельцы прибыли наконецъ въ Парижъ къ великой радости уставшихъ отъ притѣсненія патріотовъ. Болѣе пылкіе изъ нихъ постѣпиди навстрѣчу марсельцамъ. Казалось, батальонъ этотъ, славный своими подвигами на югѣ Франціи, приносилъ съ собою тѣ громы, которымъ суждено было

поразить тиранію и освѣжить атмосферу свободы. Въ каждомъ изъ этихъ благородныхъ гражданъ хотѣлось видѣть защитника, мстителя, грознаго для измѣнниковъ ангела-искоренителя. Будто еще вижу я ихъ воинственные, смуглыя лица, вижу, какъ движутся ихъ тѣсно сомкнутые ряды, слышу отвѣтные крики на наши крики «да здравствуетъ свобода!» Крѣпко держали они въ рукахъ свое тираноубійственное оружіе и съ братскимъ безпокойствомъ вглядывались въ каждый новый для нихъ предметъ. Будто и теперь еще вижу я ихъ суровое знамя съ *красной шапкой* надъ нимъ—символь дорогой теперь каждому французскому сердцу, но до той поры неизвѣстный еще батальонамъ Парижа, бывшимъ пока батальонами буржуазіи и носившими знамена съ вензелемъ Лафайэта, съ бюстомъ Генриха IV и почти всегда—съ цвѣтами лиліи и коронами. Успокойтесь же франки! Близокъ часъ торжества свободы. Крѣпнетъ мужество ея горячихъ защитниковъ! Презрѣнный дворъ, сѣкира виситъ надъ твоей головой! Близится время!...

Идя по парижскимъ улицамъ, марсельцы неустанно оглашали ихъ звуками знаменитаго гимна, ставшаго столь дорогимъ для французовъ «Вставайте, дѣти отечества» и т. д. Въ концѣ моего труда я приведу его текстъ 4). О если бы его можно было читать

4) Общанія своего Шометтъ не исполнилъ, но оно, замѣчаетъ проф. Оларъ, чрезвычайно характерно, какъ доказательство того, что въ 1793 году (когда Шометтъ кончалъ мемуары) во Франціи далеко не все еще знали слова Марсельезы. Мы приводимъ ихъ здѣсь, какъ характерныя для описываемаго въ мемуарахъ момента:

I. Вставайте, дѣти отечества—день славы насталь! Тиранія подняла противъ насъ свое кровавое знамя! Вы слышите—грубые вопли солдатъ несутся по вашимъ нивамъ? Они идутъ избивать вашихъ женъ и дѣтей, избивать, вырывая изъ вашихъ рукъ. Къ оружію, граждане, сзывайте свои батальоны! Впередъ! Впередъ! И пусть нечистая кровь прольется на ваши поля!

II. Что надо ей, этой бандѣ рабовъ? Королей-заговорщиковъ, предателей родины? Для кого куются позорная цѣпи? Для кого заготовляютъ оковы? Для насъ, французы! О, какое безчестіе! И какой энтузіазмъ зажигаетъ оно въ нашихъ сердцахъ! Это насъ-то постѣбли подумать вернуться въ старинное рабство. Къ оружію, граждане! и т. д.

III. Такъ вотъ что! Когорты иностранцевъ будутъ предписывать намъ законы? Фаланги наемниковъ повергнутъ нищъ нашихъ гордыхъ борцовъ? Рукю рабовъ, о Боже, наша шея согнется подъ иго? И презрѣнные деспоты станутъ владыками нашей судьбы? Къ оружію, граждане! и т. д.

IV. Но, трепещите тираны и вы, измѣнники родины, презрѣнные отброски всѣхъ партій! Трепещите: расплата за ваши предательства близка! Мы все — солдаты, чтобы сражаться съ вами. И если молодые герои наши погибнутъ въ этой борьбѣ, новыхъ породитъ на ихъ мѣсто земля, такихъ же отважныхъ, проникнутыхъ жаждою боя. Къ оружію и т. д.

V. Французы, сражайтесь великодушно, умѣряйте, гдѣ нужно, нашъ воинскій пылъ. Шадите насильно вооруженныя на васъ несчастныя жертвы! Но кровожадныхъ деспотовъ этихъ, пособниковъ Буйѣ (организаторъ бѣгства въ Вареннъ И. Х.), этихъ тигровъ, безжалостно терзающихъ материнскую грудь... Къ оружію и т. д.

VI. Святая любовь къ отечеству руководитъ нашей мстящен рукою.

на каждой страницѣ всѣхъ нашихъ книгъ, и если бы на душу каждаго читателя онъ производилъ такое же дѣйствіе, какое производилъ онъ на слушавшихъ его въ тотъ моментъ!... Вечеромъ, въ день своего прибытія, марсельцы получили приглашеніе на ужинъ, организованный въ ихъ честь на Елисейскихъ поляхъ. Придворные лакеи, гренадеры «Дѣвъ Св. Өомы» и «Малыхъ Отцевъ» (Petits Pères), бывшіе лейбъ-гвардейцы, рыцари кинжала, швейцарскіе офицеры и другія лица, получавшія содержаніе изъ гражданскаго листа, устроили тамъ свое собраніе. Вооруженные пистолетами, они расположились какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ марсельцы и парижскіе патріоты вкушали радости чистаго братства. Патріотическое собраніе огласило воздухъ криками «Да здравствуетъ нація!» «Да здравствуютъ молодцы-марсельцы!» «Да здравствуютъ наши братья-федераты!» Придворная банда немедленно отвѣтила на нихъ криками: «Да здравствуетъ король!» «Да здравствуетъ королева!» «Да здравствуетъ Лафайэтъ!» Граждане, бывшіе тутъ, возмущенные этими криками, покрываютъ ихъ протестующимъ гуломъ. Шайка придворныхъ разбойниковъ обнажаетъ тогда сабли и идетъ на гражданъ. Молодой марседецъ, одинъ на одинъ, выступаетъ противъ разъяренной банды. Его хватаютъ, тащутъ въ толпу. Онъ зоветъ своихъ братьевъ на помощь. Быстрѣ молніи кидаются къ нему всѣ парижане и марсельцы. Контръ-революціонеры разсѣяны, избиты, переранены, несмотря на то, что вооружены, а граждане безъ оружія. Одинъ изъ провокаторовъ избитъ до смерти за выстрѣлъ изъ пистолета, направленный въ гражданъ. Нужно было видѣть этихъ новыхъ кентавровъ, удиравшими во всѣ лопатки отъ гнавшихся за ними лапитовъ¹⁾: тотъ держался за ухо, этотъ за ногу и т. д.—всѣ спѣшили спрятаться во рву, окружавшемъ дворецъ ихъ хозяина. Онъ ждалъ окровавленныхъ головъ марсельцевъ, но ошибся въ своихъ расчетахъ: единственная кровь, которую онъ увидѣлъ, была кровь, истекавшая изъ челюстей и ушей его благородныхъ и храбрыхъ рыцарей, порядочно таки помятыхъ неблагородною чернью.

Антуанеттѣ и ея женской челяди пришлось подумать о перязкѣ ранѣ не у одного изъ своихъ милыхъ дружковъ, но не сдобровать бы имъ всѣмъ, если бы не вмѣшательство нѣсколькихъ патріотовъ Национальнаго Собранія, попросившихъ пощады для

Свобода, о дорогая свобода, приди же сама сражаться въ нашихъ рядахъ! И въ отвѣтъ на бойрый призывъ твой пусть придетъ подъ наши знамена побѣда! И да увидитъ взоръ умирающаго врага побѣдную славу нашу и твое торжество! Къ оружію и т. д.

¹⁾ Лапиты—древній народъ, населявшій Оссалію и воспѣтый Гезіодомъ и Овидіемъ за героическую борьбу съ Кентаврами.

тѣхъ, кто все время мечтали объ ихъ собственномъ убійствѣ. Подобная катастрофа не могла, разумѣется, не вызвать со стороны двора какого-нибудь новаго пасквиля, и онъ дѣйствительно появился подъ именемъ *прокламаціи короля*. Эта новая прокламація не испугала правда патріотовъ, но она прибавила дерзости аристократамъ.

Всѣ парижскія секціи походили въ то время на двѣ враждебныя арміи, готовые броситься другъ на друга. Роялисты имѣли наглость открыто говорить о предстоящемъ избіеніи патріотовъ и восстановленіи стараго строя, причемъ доводили свое безстыдство до того, что заранѣ выдавали болѣе слабымъ гражданамъ патенты на безопасность. Это были карточки съ изображеніемъ маленькаго, окруженнаго короной сердечка. Въ день великой контръ-революціи эти карточки должны были служить для ихъ предъявителей гарантіей неприкосновенности ихъ личности и имущества.

Нѣкоторымъ секціямъ удалось однако сдержатъ нахальныя выходки контръ-революціонеровъ. Такъ секція Французскаго Театра, въ которую входили жалкіе остатки знаменитаго дистрикта кордельеровъ, столь могущественнаго въ первые дни революціи, несмотря на крайне трудное свое положеніе, постоянныя угрозы смертоубійствомъ и рядъ проведенныхъ въ ней реакціонныхъ мѣръ, сумѣла найти въ своей средѣ кучку смѣлыхъ и просвѣщенныхъ людей, готовыхъ на все для спасенія отечества и парализованія усилій угнетателей.

Вотъ содержаніе этого замѣчательнаго постановленія:

Политическая декларация секціи «Французскаго Театра».

«Т. наз. активные граждане¹⁾ секціи Французскаго Театра, принимая во вниманіе, что каждый родившійся и живущій во Франціи является французомъ, что охрана свободы и конституціи вручена Национальнымъ Собраніемъ мужеству всѣхъ французовъ и можетъ имѣть реальное значеніе или опираться на силу оружія, или находя свое выраженіе въ открытыхъ политическихъ дебатахъ; что слѣдовательно всѣ французы въ силу самой конституціи имѣютъ право носить оружіе для защиты отечества и принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ интересующихъ ихъ вопросовъ,—принимая далѣе во вниманіе, что никогда просвѣщенное мнѣніе и мужество гражданъ не являются для отечества столь

¹⁾ Напомнимъ читателю, что «активными гражданами» назывались по конституціи 1791 года граждане, удовлетворявшіе извѣстному имущественному цензу; политическими правами и правомъ участія въ національной гвардіи пользовались только они.

необходимыми, какъ въ моментъ общественной опасности; что опасность для общества настоящего момента настолько велика, что собраніе народныхъ представителей сочло своимъ долгомъ объявить о ней въ торжественной деклараціи, что послѣ того, какъ народные представители объявили отечество въ опасности, народъ тѣмъ самымъ облечается функціей верховнаго наблюденія; что декретъ о непрерывности засѣданій секціи есть простое слѣдствіе, неизбежно вытекающее изъ этого великаго принципа; принимая наконецъ во вниманіе, что ни одинъ классъ гражданъ не можетъ присвоить себѣ исключительнаго права заботиться о спасеніи отечества;—принимая все это во вниманіе, граждане указанной секціи *заявляютъ*: въ моментъ опасности грозящей отечеству, всѣ французы мужского пола являются фактически призванными на его защиту; граждане, извѣстные на аристократическомъ жаргонѣ подъ названіемъ «пассивныхъ», являются такими же французами, какъ и другіе, и должны, слѣдовательно, быть призваны, и призваны уже фактически, какъ къ ношенію оружія въ рядахъ національной гвардіи, такъ и къ участию въ политическихъ преніяхъ на засѣданіяхъ секціи и первичныхъ собраній.

Въ силу всего вышесказаннаго, граждане исключительно составлявшіе доселѣ секцію Французскаго Театра, открыто и съ негодованіемъ отказываются отъ своей прежней привилегіи, обращаются ко всѣмъ французамъ, живущимъ въ предѣлахъ ихъ секціи, и обѣщаютъ раздѣлить съ ними приходившуюся на нихъ долю суверенитета, и считаютъ ихъ своими братьями и согражданами, связанными съ ними общимъ дѣломъ, и необходимыми для защиты деклараціи правъ, свободы, равенства и всѣхъ неотъемлемыхъ правъ народа и частныхъ лицъ».

Подписи: *Дантонъ*, предсѣдатель.

Анаксагоръ Шометтъ, товарищъ предсѣдателя.

Моморо, секретарь.

(Датировано 30-мъ іюля 1792 г.).

Декларация эта, будучи расклеена на улицахъ, оставила на общественномъ мнѣніи значительный слѣдъ. Цѣлый рядъ секцій одобрилъ и принялъ ея принципъ. Дворъ почуявъ въ ней первую брошенную въ него бомбу, что и выразилось въ появившемся вскорѣ письмѣ министра юстиціи къ королевскому комиссару при уголовномъ трибуналѣ Парижскаго департамента. Въ письмѣ этомъ министръ приказывалъ комиссару открыть чрезвычайное слѣдствіе противъ лицъ, подписавшихъ постановленіе.

Бравыхъ марсельцевъ помѣстили вначалѣ подальше отъ патриотовъ на самомъ краю Парижа. Но однажды ночью (въ ночь

на 5-е августа, замѣчаетъ проф. Оларъ. II. X.) они явились въ секцію Французскаго Театра, будучи приведены туда лицами, подписавшими ея постановленіе, и еще однимъ муниципальнымъ чиновникомъ; эти же лица исполнили по отношенію къ марсельцамъ и всѣ обязанности гостеприимства. Первой заботой марсельцевъ, послѣ того какъ ихъ размѣстили по квартирамъ, была охрана жизни и свободы защитниковъ правъ челоуѣка. Они сопровождали повсюду болѣе извѣстныхъ патриотовъ, а ночью караулили ихъ дома, твердо рѣшившись безпощадно расправиться со всякимъ, кто посмѣлъ бы рѣшиться на какой-нибудь тираническій актъ. Мѣры эти, принятыя на глазахъ у всѣхъ, произвели должное впечатлѣніе на дворъ и на его агентовъ и удержали ихъ отъ открытыхъ дѣйствій.

Въ это же время въ Коммунальномъ Домѣ (т.-е. въ Городской Думѣ. II. X.), по инициативѣ большинства парижскихъ секцій, собрались выбранные ими комиссары для обсужденія великаго вопроса объ отрѣшеніи короля отъ трона и для представленія Національному Собранію соответствующей петиціи. Роялисты сдѣлали все, чтобы добиться распущенія этого собранія или по крайней мѣрѣ обезсилить его, внести въ его среду раздоръ. Но здравый смыслъ, одушевлявшій большинство комиссаровъ, ихъ твердость и неуклонная рѣшимость спасти отечество свели на нѣтъ всѣ старанія аристократовъ, смутьяновъ и трусовъ, прокравшихся въ ихъ среду.

Сколько величія было въ этомъ собраніи ¹⁾. Какіе возвышенные порывы патриотизма пришлось мнѣ наблюдать тамъ во время преній о низверженіи Людовика! Что такое по сравненію съ нимъ,—съ этимъ собраніемъ комиссаровъ парижскихъ секцій,—было Національное Собраніе со всѣми его мелкими страстями, симпатіей къ королю, гладиаторами и защитниками Лафайета, постоянной нерѣшительностью, полумѣрами, декретами, придуманными въ самомъ началѣ и потомъ окончательно уничтоженными при помощи вето? Тамъ собраніе остервенѣлыхъ легистовъ, готовыхъ къ безконечнымъ словопреніямъ подъ палкой учителя юридическихъ школъ, не смѣющихъ выпрямиться и стряхнуть съ себя цѣпи и рѣшиться хоть въ чемъ-нибудь настоять на своемъ. Здѣсь, напротивъ, братскіе, очень горячіе часто, споры, полные прекрасныхъ порывовъ краснорѣчія и безусловной искренности—обсужденіе доводовъ за сверженіе и противъ сверженія короля. Здѣсь клались, такъ сказать, первыя базы республики. Среди

¹⁾ Оно засѣдало 26, 28 и 29 іюля и 1, 2 и 3 августа. (Изъ прим. проф. Олара).

этих интересных дискуссий происходили известные события, столь характерны для участников этого собрания.

Члены его, рискуя попасть под кинжал убийцы или беспощадный приговор суда, сами печатали, расклеивали и охраняли на улицах прокламации, просвѣщавшія общественное мнѣніе и раскрывавшія преступленія двора. Не пройду также молчаніемъ одного инцидента, достойнаго быть рассказаннымъ.

Дворъ, съ согласія безстыдной парижской директоріи, поднималъ уже разговоръ о введеніи въ дѣйствіе военнаго закона ¹⁾. Въ залѣ, гдѣ происходили засѣданія комиссаровъ, стояло нѣсколько завернутыхъ въ чехлы знаменъ. Шометтъ и бравый Лазовскій ²⁾, ставшіи вскорѣ мишенью нападковъ для новыхъ разбойниковъ, поставившихъ себя на мѣсто двора, замѣтили среди нихъ и красное знамя. «*О Боже, воскликнули они, такъ вотъ оно гдѣ? Вотъ оно, это красное знамя! Кровь патріотовъ, убитыхъ на Марсовомъ полѣ еще не исчезла съ него!*». При этихъ словахъ все собраніе поднимается съ мѣста и восклицаетъ въ единодушномъ порывѣ: «*Отомстимъ за нихъ! Долой законы, долой виновниковъ военнаго закона!*».

Двумъ гражданамъ, обнаружившимъ знамя, поручаютъ немедленно отнести его въ засѣданіе Муниципальнаго Корпуса (т.-е. Городской Думы. И. Х.) и попросить его убрать знамя въ другое мѣсто. При входѣ въ залу Муниципальнаго Корпуса оба посланные, въ порывѣ охватившаго ихъ негодованія разорвали знамя и, бросая его среди собранія, воскликнули: «*Вотъ вамъ, возьмите его! Оно виновно въ отцеубійствѣ! Зашейте его въ мѣшокъ и выбросьте въ Сену!*». А Муниципальный Корпусъ, составленный въ большинствѣ изъ контръ-революціонеровъ, друзей Лафайета и особенно друзей военнаго закона, Муниципальный Корпусъ, нагло воспротивившійся когда-то публичности засѣданій генеральнаго совѣта и вопреки настояніямъ парижскихъ гражданъ, не стыдившійся сохранять въ своей залѣ бюсты Байли, Лафайета и Людовика XVI, очевидно въ видѣ опоры для контръ-революціи, Муниципальный Корпусъ остался безмолвнымъ какъ бы окаменѣлымъ.

¹⁾ Законъ, изданный въ октябрѣ 1789 года Конституантой по случаю происходившихъ въ Парижѣ голодныхъ бунтовъ. Законъ уполномочивалъ коммуны объявлять городъ на военномъ положеніи, послѣ чего всѣ народныя сборища, не подчиняющіяся призыву властей, подлежали разгону при помощи оружія. Знакомъ объявленія города на военномъ положеніи служило *красное знамя*, вывѣшенное въ окнѣ Ратуши. Подъ краснымъ знаменемъ военнаго положенія происходило и избіеніе народа на Марсовомъ полѣ въ іюль 1791 года.

²⁾ Комиссаръ секціи Финистера, одинъ изъ главныхъ героевъ событій 20 іюля и 10 августа, особенно ненавидимый впоследствии жирондистами.

Самое замѣчательное въ этомъ приключеніи заключается въ томъ, что пока въ Коммунальномъ Домѣ происходила описанная сцена, въ Тюильери вѣроломные мировые судьи, генералъ-комендантъ и члены департаментской директоріи принимали мѣры для возбужденія въ Парижѣ сепаратнаго движенія, провозглашенія военнаго закона и т. д.: въ то самое время, какъ красное знамя разрывалось въ клочки, подготавлился планъ новаго водруженія его во главѣ убійцъ, а чтобы на всякій случай всегда имѣть его подъ руками, были заказаны даже, какъ говорили, особыя знамена, которыя свертывались наподобіе большихъ зонтиковъ и легко умѣщались въ карманъ ¹⁾. Вотъ до чего доходила предусмотрительность этихъ преступниковъ! Бѣдный народъ, съ какимъ жестокимъ хладнокровіемъ подготавливали они твою гибель!

Наконецъ знаменитая петиція о низверженіи была готова и одобрена большею частію секцій. Не обращая вниманія на окружавшіе ихъ штыки и кинжалы, комиссары мужественно подписали ее и приложили къ своимъ подписямъ точные адреса.

Въ силу закона, по которому представленіе петицій, принятыхъ большинствомъ секцій, возлагается на мэра или вообще на кого-нибудь изъ муниципальных чиновниковъ, во главѣ депутаціи секцій сталъ мэръ Парижа. Процессія двинулась къ Национальному Собранію, повсюду привѣтствуемая криками добрыхъ гражданъ: «*Спасите отечество! Не падайте духомъ!*» Но сами депутаты въ теченіе всего пути хранили строгое и суровое молчаніе.

Вотъ депутація впускается въ залу. Читается слѣдующая петиція:

«*Законодатели! Когда отечество въ опасности, всѣ дѣти его должны спѣшить на его защиту, а никогда еще не угрожала отечеству такая опасность, какъ въ наши дни. Намъ посылаетъ къ вамъ коммуна Парижа. Мы приносимъ въ святилище законовъ выраженіе воли огромнаго города. Проникнутый уваженіемъ къ представителямъ націи, полный довѣрія къ ихъ мужественному патріотизму, онъ не отчаивается въ спасеніи общества, но полагаетъ, что средство исцѣленія Франціи отъ золь заключается въ томъ, чтобы, не медля ни минуты, обратилъ вниманіе на ихъ источникъ. Съ душевной болью заявляетъ онъ вамъ, черезъ наше посредство, что источникомъ этимъ является глава исполнительнои власти. Нѣтъ сомнѣнія, народъ имѣетъ право негодовать на него, но сильнымъ людямъ не приличествуетъ гнѣвный языкъ. Но видѣ Людовика XVI намъ приходится обвинять его передъ*

¹⁾ Я видѣлъ одно изъ этихъ знаменъ въ коммунальномъ домѣ послѣ 10 августа. (Прим. Шометта).

вами и передъ Франціей; мы сдѣлаемъ это безъ озлобленія, но и безъ всякой боязни. Не время слѣдовать теперь голосу снисходительности и терпѣнія, которыя такъ къ лицу благороднымъ народамъ, но которыя толкаютъ царей къ клятвопреступленію. Самые законные порывы сердца должны умолкнуть передъ задачей спасенія государства!

Мы не будемъ рисовать передъ вами всего поведенія Людовика XVI съ первыхъ дней революціи—его кровожадныхъ замысловъ противъ Парижа, его исключительной любви къ дворянству и духовенству, его нескрываемаго отвращенія къ народному представительству, оскорбленій, нанесившихся Національному Учредительному Собранію со стороны придворныхъ лакеевъ; того, какъ его окружали солдатами, какъ оно блуждало по королевскому городу въ поискахъ убѣжища и какъ нашло его себѣ лишь въ залѣ для игры въ мячъ. Не будемъ мы рассказывать вамъ и о столько разъ нарушавшихся клятвахъ, о непрерывныхъ словесныхъ завѣреніяхъ, тутъ же опровергавшихся фактами. пока вѣроломное бѣгство не раскрыло наконецъ глаза даже самымъ ослѣпленнымъ рабскими навыками гражданамъ. Все это мы оставимъ въ сторонѣ: все это прошло и покрыто народнымъ прощеніемъ. Но прощенье не значитъ забвеніе. Тщетно старались бы мы забыть объ этихъ поступкахъ: страницы исторіи навѣки замараны ими; потомство не забудетъ ихъ.

Но о благодѣяніи націи по отношенію къ Людовику XVI и о неблагодарности этого принца мы не можемъ не напомнить вамъ вкратцѣ. Въ моментъ возвращенія себѣ суверенитета народъ имѣлъ всѣ основанія устранить его съ трона. Память о надменной и жадной націи, въ которой одинъ король приходился на двадцать тирановъ, наследственный деспотизмъ, вмѣстѣ съ народной нищетой возраставшій отъ одного царствованія къ другому, казна, опустошенная Людовикомъ XVI и двумя его предшественниками, трактаты, позорные и гибельные для чести народа. вѣковые враги Франціи въ роли ея властителей и союзниковъ ¹⁾—въ этомъ, и только въ этомъ, заключались всѣ права Людовика XVI на конституціонный скипетръ. Великодушная по природѣ нація и на этотъ разъ предпочла великодушіе осторожности: деспотической властитель страны рабовъ сдѣлался государемъ свободнаго народа. Онъ пытался затѣмъ бѣжать изъ Франціи, чтобы сдѣлаться повелителемъ Кобленца; его вернули на тронъ, не спросивши совѣта у націи—вопреки, быть можетъ, ея желаніямъ.

¹⁾ Наметь на сближеніе Франціи съ Австріей послѣ Ахенскаго мира (1748 г.), завершившееся въ 1756 году формальнымъ союзомъ и закрѣпленное впоследствии (въ 1770 году) бракомъ будущаго Людовика XVI съ Маріей Антуанеттой.

За этимъ великимъ благодѣяніемъ въ безчисленномъ количествѣ послѣдовали другія. Мы видѣли, какъ въ послѣдній періодъ Учредительнаго Собранія права народа были уменьшены въ интересахъ усиленія королевской власти. Первый магистратъ народа сдѣлался его наследственнымъ представителемъ; для поддержанія блеска королевскаго трона была создана дворцовая гвардія; а его законный авторитетъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ гражданскаго листа, границы котораго были указаны самой королевской властью.

И что же мы увидѣли? Всѣ благодѣянія націи обернулись противъ нея. Власть, делегированная Людовику XVI для поддержанія свободы, сдѣлалась орудіемъ ея низверженія. Бросимъ взглядъ на внутреннія дѣла Имперіи: негодные министры, уступая давленію общественнаго презрѣнія, принуждены выйти въ отставку; Людовикъ XVI жалѣеть о нихъ. Преемники ихъ предрепуждаютъ націю и короля объ опасности, окружающей родину; Людовикъ XVI прогоняетъ ихъ—зачѣмъ показали себя гражданами. Безотвѣтственность короля и постоянно мѣняющійся составъ министерства устраняютъ всякую отвѣтственность для агентовъ исполнительной власти. Мятежная гвардія распущена, но распущена только съ виду: она по прежнему существуетъ, по прежнему получаетъ отъ Людовика XVI свое жалованье, сѣетъ повсюду смуту и готовитъ гражданскую войну. Крамольные священники, злоупотребляя своей властью надъ рабскими душами, возстанавляютъ дѣтей противъ отцовъ, и со священной земли свободы посылаютъ новыхъ солдатъ подъ знамена рабства. Враги народа прикрываются ссылками на народъ. а Людовикъ XVI защищаетъ ихъ право устраивать заговоры. Директоріи коализованныхъ департаментовъ дерзко присвоили себѣ роль посредниковъ между Національнымъ Собраніемъ и королевскою властью, какъ бы конституируются въ разсѣянную по лону Имперіи вторую палату; иные узурпируютъ себѣ и законодательную власть и, проявляя глубокое невѣжество, декламируютъ противъ республиканцевъ, хотя сами же какъ будто стараются сдѣлать изъ Франціи республиканскую федерацію. Именемъ короля разжигаютъ они внутренніе раздоры, и король не выражаетъ своего негодованія, не спѣшитъ отдѣлится отъ себя этихъ двухсотъ недалекихъ или преступныхъ администраторовъ, отъ солидарности съ которыми успѣло, во всѣхъ концахъ Франціи, отказаться огромное большинство населенія.

А во внѣшнихъ дѣлахъ? Непрительскія арміи угрожаютъ нашимъ границамъ. Два деспота публикуютъ противъ французской націи манифестъ, столь же бессмысленный, сколько

наглый. Французы, убійцы отечества, руководимые родственниками, свойственниками и братьями короля, готовятся нанести своей родинѣ смертельную рану. На границахъ нашихъ непріятель уже выставляетъ противъ нашихъ воиновъ своихъ палачей. Во имя мести за Людовика XVI безстыдно оскорбляется верховное право народа. Во имя мести за Людовика XVI презрѣнный дворъ Австріи прибавляетъ новую главу къ исторіи своихъ убійствъ; во имя мести за Людовика XVI тираны возобновили желаніе Калигулы и думаютъ однимъ ударомъ снести голову всѣмъ гражданамъ Франціи!

Льстивыя заявленія министра ¹⁾ побудили насъ объявить войну, и мы начали ее съ неполнымъ составомъ арміи, лишенной всякихъ припасовъ.

Напрасно взываетъ къ намъ Бельгія. Нелѣпые приказы скывываютъ рвеніе нашихъ солдатъ; первые шаги наши въ этой прекрасной странѣ отмѣчены пожаромъ. И виновникъ пожара не исключенъ еще изъ французской арміи! Декреты, изданные Національнымъ Собраніемъ для укрѣпленія нашихъ военныхъ силъ, уничтожены одинъ за другимъ или прямымъ отказомъ въ санкціонированіи или разнаго рода коварными проволочками. А врагъ приближается быстрымъ шагомъ, въ то время, какъ арміи, сражающіяся за равенство, остаются подъ командой патрицеевъ, въ то время, какъ генералы передъ лицомъ непріятеля покидаютъ свои посты, впутываютъ своихъ солдатъ въ политику, являющуюся отъ ихъ имени въ законодательное собраніе съ выраженіемъ пожеланій, на которыя они не имѣютъ законнаго права, и клеветаютъ на свободный народъ, вмѣсто того, чтобы его защищать.

Глава исполнительной власти является первымъ звеномъ въ этой контръ-революціонной цѣпи. Есть данныя подозрѣвать его въ участіи въ Пильницкихъ заговорахъ, сообщитъ о которыхъ онъ собирался такъ долго. Его имя, и имя націи въ постоянной враждѣ; его имя—символь раздора магистратовъ съ народомъ, генераловъ съ солдатами. Онъ самъ отдѣлилъ свои интересы отъ интересовъ народа. Мы раздѣляемъ ихъ по его примѣру. Ни одного формальнаго акта не противопоставилъ онъ ни внѣшнему нашему, ни внутреннему врагу; напротивъ, все поведеніе его является сплошнымъ актомъ неподчиненія конституціи. Не можетъ окрѣпнуть у насъ свобода, пока нами править подобнымъ королемъ, а мы желаемъ остаться свободными. Собравъ послѣднюю снисходительность, мы хотѣли бы просить васъ отстранить Людовика XVI отъ власти, лишь на время существованія внѣшней

¹⁾ Министра иностранныхъ дѣлъ Дюмурье, измѣнишаго въ слѣдующемъ году Франціи и перешедшаго на сторону Австріи.

опасности, но конституція не даетъ намъ на это права. Людовикъ XVI постоянно ссылается на конституцію; мы также ссылаемся на нее и требуемъ лишенія его престола.

Трудно думать, чтобы принявши эту огромной важности мѣру, нація смогла сохранить довѣріе къ настоящей династіи. Мы просимъ поэтому, чтобы исполнительная власть была, согласно конституціи, передана временно министрамъ, безусловно отвѣственнымъ передъ Національнымъ Собраніемъ и выбраннымъ имъ, но не изъ своей среды, путемъ открытаго голосованія свободныхъ людей, пока воля нашего и вашего суверена—народа закононо не проявитъ себя въ Національномъ Конвентѣ, созваніе котораго произойдетъ, какъ только позволить это внѣшнее положеніе государства. Но пусть враги наши, сколько бы ни было ихъ, выстраиваются за нашей границей, пусть трусы и измѣнники покидаютъ свободную землю; пусть двигаются на насъ триста тысячъ рабовъ: ихъ встрѣтятъ десять тысячъ свободныхъ людей, готовыхъ умереть или побѣдить, борцовъ за равенство, за родной очагъ, за женъ, стариковъ и дѣтей. Каждый изъ насъ по очереди пусть станетъ солдатомъ, и, если на долю намъ выпадетъ честь погибнуть за родину, пусть каждый изъ насъ, испуская послѣдній вздохъ, прославитъ свою память убійствомъ раба или тирана.

Петиція эта не была первой: петиціи подобнаго же содержанія были уже составлены цѣлымъ рядомъ департаментскихъ городовъ и многими патриотами Парижа; нѣкоторыя изъ нихъ сопровождались подписями на 12, 20 и 30 листахъ. Наконецъ, тѣ же пожеланія были высказаны федератами 83 департаментовъ. Секція Моконсель (Maconseil) присоединила къ своей резолюціи отказъ отъ присяги Людовику XVI, и въ афишѣ, въ большемъ количествѣ распространенной по городу, приглашала всѣ секціи Франціи послѣдовать ея примѣру. Секція Гравилье просила о томъ же, прибавляя съ своей стороны, что если бы Собраніе не сумѣло спасти отечество, народъ возстанетъ и спасетъ его самъ ¹⁾. Такую же петицію, подписали болѣе трехъ тысячъ гражданъ собравшихся на Марсовомъ полѣ; они присоединили къ ней требованіе о преданіи суду Лафайета и о смѣщеніи командующаго состава всѣхъ армій. Петиція эта, снабженная пятьюдесятью листами подписей, была доставлена въ Собраніе многолюдной процессіей, впереди которой несли на пикѣ красную шапку и знамя съ надписью: «Долой короля!».

¹⁾ «Законодатели», говорилось въ концѣ этой петиціи (она была прочитана въ засѣданіи 4-го августа): «мы не лишаемъ васъ почетнаго права спасти отечество, но если вы откажетесь это сдѣлать, мы возьмемъ этотъ долгъ на себя» *Moniteur* XIII. 332.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не могли, казалось бы, не толкнуть Національное Собрание на какое-нибудь рѣшеніе. Но не тутъ то было. Всѣ петиціи были переданы въ комиссію, и заговорили о нихъ только тогда, когда Верньо ¹⁾ прочелъ свое предложеніе «отвергнуть и признать неконституціонными всѣ резолюціи и петиціи, клонящіяся къ низверженію короля». Предложеніе это было *принято* при громкихъ апплодисментахъ роялистской части собранія и къ великому удовольствію двора. Этотъ поступокъ Національнаго Собранія не ослабилъ мужества народа: тѣ, на комъ лежало спасеніе отечества, удвоили послѣ него свое рвеніе.

Въ этой-то обстановкѣ и появился шедевръ невѣжества, вѣроломства и наглаго высокомерія, извѣстный подъ именемъ: *Манифеста герцога Брауншвейгскаго*. Рыцарская бравада эта была встрѣчена по заслугамъ. Въ этотъ день Національное Собрание показало себя великимъ и достойнымъ своихъ довѣрителей: оно перешло безъ преній къ порядку дня. Вотъ текстъ этого документа по экземпляру, адресованному въ Законодательный Корпусъ:

Заявленіе герцога Брауншвейгскаго жителямъ Франціи.

«Ихъ Величества Императоръ и король Пруссіи возложили на меня командованіе ихъ соединенными арміями, сосредоточенными на границахъ Франціи, и я хочу сообщить жителямъ этого королевства мотивы, вызвавшіе предпріятыя обоими государями мѣры и намѣренія, которыя ими руководятъ.

Произвольно уничтоживъ политическія и владѣльческія права нѣмецкихъ государей въ Эльзасѣ и Лотарингіи, разрушивъ общественный порядокъ и законное правительство, дерзко посягнувъ на священныя особы короля и его августѣйшаго семейства,—каковыя насильственные акты изо-дня-въ-день продолжаютъ и по сей день,—лица, незаконно захватившія себѣ власть, не остановились на этомъ: они объявили несправедливую войну Его Величеству Императору и напали на его Нидерландскія провинціи. Нѣкоторые изъ владѣній Германской Имперіи уже подверглись насилію; другія избѣжали подобной же участи, лишь уступивши угрозамъ господствующей партіи и ея эмиссаровъ.

¹⁾ *Верньо* внесъ свое предложеніе на утреннемъ субботнемъ засѣданіи 4-го августа. Этотъ человекъ обладалъ искусствомъ выказывать себя слугою и двора и народа, тогда какъ въ дѣйствительности онъ служилъ лишь себѣ самому да своимъ сотрудникамъ. Послѣдующая политическая жизнь этого депутата могла бы послужить матеріаломъ для исторіи *неосуществленныхъ проектовъ*, если бы кто-нибудь вздумалъ ее написать». (Прим. Шоммета).

Его Королевское Величество, будучи связанъ съ Его Императорскимъ Величествомъ тѣсными связями оборонительнаго союза и будучи самъ выдающимся членомъ единого германскаго тѣла, не могъ не притти на помощь своему союзнику и со-государству (co-état). Въ силу обоихъ этихъ побужденій онъ и беретъ на себя защиту Германіи и ея государя.

Къ этимъ великимъ интересамъ присоединяется и еще одна, не менѣ важная и близкая сердцу обоихъ государей цѣль—желаніе покончить съ анархіей, царящей во Франціи, положить предѣлы посягательствамъ противъ трона и алтаря, возстановить въ этой странѣ законную власть, вернуть королю его свободу и безопасность, поставить его въ возможность осуществлять присущій ему, въ силу закона, авторитетъ.

Въ убѣжденіи, что здравомыслящая часть націи съ ужасомъ отвергаетъ дѣянія воцарившейся надъ ней клики, и что огромное большинство французскаго населенія съ нетерпѣніемъ ждетъ себѣ помощи, чтобы выступить открыто противъ гнуснаго поведенія своихъ угнетателей, Его Величество Императоръ и Его Величество король Пруссіи, приглашаютъ его, не медля, вернуться къ началамъ разума и справедливости, порядка и мира. Въ этихъ именно видахъ я нижеподписавшійся, главнокомандующій обѣихъ армій, заявляю:

1) Вовлеченные неодолимыми обстоятельствами въ настоящую войну союзные дворы единственной цѣлью своею ставятъ счастье Франціи и не преслѣдуютъ никакихъ завоевательныхъ плановъ.

2) Они отнюдь не вмѣшиваются во внутреннее управленіе Франціи и стремятся лишь къ тому, чтобы спасти изъ плѣна короля, королеву и ихъ семью и обезпечить Его Христіаннѣйшему Величеству необходимую безопасность, дабы онъ могъ, не боясь ничего и не встрѣчая препятствій, созывать угодныя ему собранія и работать на благо подданныхъ, руководясь данными имъ обѣщаніями и въ мѣру своихъ силъ.

3) Союзныя арміи окажутъ свое покровительство всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, равно какъ и частнымъ лицамъ и имуществу ихъ, подъ условіемъ ихъ подчиненія королю, и позаботятся о немедленномъ возстановленіи во всей Франціи порядка и благочинія.

4) Надзоръ за спокойствіемъ городовъ и селеній и за личной и имущественной безопасностью всѣхъ французовъ временно, впредь до прибытія войскъ Ихъ Императорскаго и королевскаго Величества или впредь до новаго приказа, возлагается на національную гвардію подъ страхомъ личной каждаго изъ ея членовъ отвѣтственности. Съ тѣми же изъ національныхъ гвардей-

цевъ, которые будутъ сражаться противъ арміи двухъ союзныхъ дворовъ и окажутся захваченными съ оружіемъ въ рукахъ. будетъ поступлено какъ съ врагами: они понесутъ возмездіе, какъ бунтовщики противъ своего короля и нарушители общественнаго порядка.

5) Генераламъ, офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ линейныхъ французскихъ войскъ равнымъ образомъ предлагается вспомнить о ихъ испытанной вѣрности престолу и немедленно подчиниться своему законному государю—королю.

6) Члены департаментовъ, дистриктовъ и муниципалитетовъ отвѣчаютъ своимъ имуществомъ и жизнью за всѣ преступленія, пожары, убійства, грабежи и самоуправства, которые окажутся совершенными на ихъ территоріи, по ихъ ли личному попустительству, или по недостатку проявленной для ихъ предупрежденія энергіи. Они сохраняютъ временно свои должности, пока Его Всехристіаннѣйшее Величество, вернувши себѣ полноту власти, свободно не утвердитъ по отношенію къ нимъ тѣхъ рѣшеній, которыя до этого времени будутъ сдѣланы его именемъ.

7) Обитатели городовъ, мѣстечекъ и селеній, кои осмѣлятся защищаться противъ арміи Ихъ Императорскаго и королевскаго Величества и стрѣлять по нимъ въ открытомъ ли полѣ, или изъ оконъ, дверей и отверстій своихъ жилищъ, будутъ тутъ же наказаны по строгости военныхъ законовъ, а жилища ихъ разрушены и сожжены. Тѣ же изъ жителей названныхъ селеній, мѣстечекъ и городовъ, которые не замедлятъ подчиниться своему королю и откроютъ свои двери для арміи Ихъ Величества, получатъ немедленное и прочное покровительство; движимое и недвижимое имущество ихъ, а равно и жизнь ихъ будутъ взяты подъ охрану законовъ и для обезпеченія личной каждого изъ нихъ и общей всѣхъ ихъ безопасности будутъ приняты всѣ нужныя мѣры.

8) Городу Парижу и всѣмъ его жителямъ безъ исключенія вмѣняется въ безотлагательную обязанность немедленное подчиненіе королю, предоставленіе этому государю полной и неограниченной свободы, и отказъ отъ всякаго посягательства на неприкосновенность и честь какъ его самого, такъ и всѣхъ членовъ королевскаго семейства, какъ того требуетъ отъ каждого подданнаго по отношенію къ его государю и естественное и международное право (*le droit de la nature et des gens*). Ихъ Императорское и королевское Величество объявляютъ всѣхъ членовъ Национальнаго Собранія, дистрикта, муниципалитета и національной гвардіи Парижа, его мировыхъ судей и другихъ должностныхъ лицъ лично, подъ страхомъ уголовнаго наказанія по военнымъ за-

конамъ и безъ всякой надежды на помилованіе, отвѣтственными за всѣ, могущіе возникнуть въ городѣ событія. Ихъ Величества клянутся своей императорской и королевской честью, что въ случаѣ нападенія на Тюильерійскій замокъ или оскорбительныхъ манифестацій противъ него, въ случаѣ малѣйшаго насилія или оскорбленія, нанесеннаго Ихъ Величествамъ королю и королевѣ, или членамъ королевской семьи, въ случаѣ непринятія немедленныхъ мѣръ къ охраненію ихъ безопасности, свободы и жизни, съ ихъ стороны послѣдуетъ безпощадная месть, грозная память о которой сохранится на всѣ времена: городъ Парижъ будетъ разгромленъ и разрушенъ до основанія; а мятежники, виновные въ означенныхъ покушеніяхъ, подвергнутся заслуженнымъ ими мучительнымъ казнямъ (*supplices*). И напротивъ, если жители Парижа полностью и безотлагательно подчинятся указаннымъ повеленіямъ, Ихъ Императорское и королевское Величества сдѣлаютъ все съ ихъ стороны возможное, чтобы исходатайствовать у Его Всехристіаннѣйшаго Величества прошеніе за всѣ ихъ проступки и заблужденія и съ своей стороны принять самыя энергичныя мѣры къ охранѣ ихъ личной и имущественной безопасности.

Кромѣ того, считая возможнымъ признать законами Франціи только законы, издаваемые королемъ, ничѣмъ въ своей свободѣ не связаннымъ, Ихъ Величества отвергаютъ заранѣе подлинность, какихъ бы то ни было, заявленій, дѣлаемыхъ отъ имени Его Всехристіаннѣйшаго Величества, доколѣ его священная особа, особа королевы и вся королевская семья не будутъ находиться въ дѣйствительной безопасности.

Въ силу этого Ихъ Императорское и королевское Величества просятъ и убождаютъ Его Всехристіаннѣйшее Величество избрать одинъ изъ пограничныхъ городовъ своего королевства для того, чтобы, подъ охраной надежнаго и сильнаго отряда, который будетъ ему для этого присланъ, удалиться туда съ королевой и всей семьей, дабы затѣмъ Его Всехристіаннѣйшее Величество могло въ полной безопасности призвать къ себѣ министровъ и совѣтниковъ, коихъ Ему благоугодно будетъ назначить, созвать желательныя Ему собранія, позаботиться о возстановленіи въ странѣ порядка и привести въ надлежащій видъ администрацію королевства.

Наконецъ и лично отъ себя, какъ частный человекъ и какъ лицо, облеченное вышеуказаннымъ званіемъ, я обяжусь повсюду требовать отъ ввѣренныхъ моему командованію войскъ самой строгой и ненарушимой дисциплины и обѣшаюсь самымъ мягкимъ и снисходительнымъ образомъ обходиться со всѣми благомыслящими подданными, проявившими покорность и миролюбіе, при-

бѣгая къ насилію лишь по отношенію къ тѣмъ, кто окажется виновнымъ въ сопротивленіи и проявитъ дурныя намѣренія.

Въ силу указанныхъ соображеній я требую отъ всѣхъ жителей королевства и самымъ настойчивымъ и рѣшительнымъ образомъ убѣждаю ихъ не сопротивляться движенію и дѣйствіямъ командующихъ мною войскъ, а напротивъ повсюду предоставлять имъ свободный проходъ, проявлять по отношенію къ нимъ доброжелательство и, сообразно обстоятельствамъ, оказывать помощь».

Дано въ генеральномъ штабѣ Кобленца, 25 іюля.

Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій.

Лафайэтъ, обличаемый со всѣхъ сторонъ на основаніи точныхъ данныхъ обвиняемый въ томъ, что хотѣлъ направить свою армію на Парижъ, и самъ произнесшій надъ собою приговоръ своими знаменитыми письмами, дошелъ въ преступной наглости до того, что осмѣлился адресовать Національному Собранію слѣдующее письмо (полный текстъ его возстановляется здѣсь по «Монитору» XIII. 286; II. X.):

Лонги. 25 іюля 1792 г. Годъ свободы 4-й.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня объ актѣ законодательнаго корпуса 21-го сего іюля и о доносѣ, подписанномъ шестью его членами. Если бы меня спросили о моихъ принципахъ, я отвѣтилъ бы, что, являясь постояннымъ защитникомъ и проповѣдникомъ правъ человѣка и суверенитета народовъ, я всюду сопротивлялся властямъ, враждебнымъ свободѣ и не делегированнымъ народною волей, и всюду подчинялся властямъ, формы и границы которыхъ опредѣлены свободно составленной конституціей. Но меня спрашиваютъ о фактѣ ¹⁾: предложилъ ли я маршалу Люкнеру итти вмѣстѣ съ нашими арміями къ Парижу. Я отвѣчаю на это лишь четырьмя коротенькими словами: нѣтъ, это не правда».

Лафайэтъ.

Можно ли быть болѣе наглымъ? Что за стиль! Иронія, желаніе оскорбить, самая низкая ложь, самая коварная намѣренія, всѣ пороки, всѣ преступления отразились въ этихъ нѣсколькихъ строчкахъ. Такъ писалъ Лафайэтъ Національному Собранію. (Въ оригиналѣ очевидно по опискѣ—Конвенту. II. X.).

Вся Франція настаивала на преданіи суду измѣнника, а Собраніе со дня на день откладывало свой докладъ. Въ среду 8-го ав-

¹⁾ О фактѣ, въ которомъ его обвиняло значительное количество народныхъ представителей. (Примѣч. Шоммета)

густа онъ былъ наконецъ готовъ. Открылась скандальнѣйшая дискуссія, и послѣ четырехъ различныхъ предложеній перешли къ поименному голосованію вопроса «есть ли основаніе для преданія Лафайэта суду». Голосованіе закончилось позорнымъ результатомъ: 406 голосовъ противъ 124 отвѣтили на вопросъ отрицательно.

Трусливое и гибельное для свободы поведеніе Собранія вызвало общее негодованіе гражданъ; оно послужило сигналомъ къ послѣднему нападенію народа на дворъ. Со всѣхъ сторонъ сталъ слышаться ропотъ; улицы покрылись грозно настроенными кучками народа, столь хорошо отражающими всегда состояніе общественнаго мнѣнія. Каждый твердилъ про себя: «Мы погибли, если не будемъ дѣйствовать. Наши предатели-депутаты губятъ отечество. Спасемъ же его, спасемъ себя самихъ и свободу!»

Секціи полны были людьми, рѣшившимися на все, и обсуждали уже вопросъ о практическихъ мѣрахъ, когда по чистой случайности раскрылись ужасные замыслы двора. Были получены самыя полныя и неопровержимыя свѣдѣнія относительно упомянутыхъ мною выше проектовъ. 11-е августа должно было залить кровью многія страницы исторіи и прибавить страшную главу къ исторіи преступленій королей. Парижъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кварталовъ, предполагалось поджечь; гражданъ, враждебныхъ намѣреніямъ двора—перебить. Наиболѣе горячихъ патриотовъ должны были привести въ Тюильери и подвергнуть мученіямъ на глазахъ тирана. Шесть палачей были помѣщены уже въ замкѣ и готовили тамъ свои орудія пытокъ. Рѣшетка съ очень острыми выступами, помѣщенная съ нѣкоторыхъ поръ подъ самыми окнами королевы, была предназначена для головъ самыхъ главныхъ друзей свободы. 83 отборныхъ преступника, типъ людей, милый сердцу всѣхъ королей, должны были одновременно обѣхать всѣ департаменты и въ порядкѣ исключительнаго судопроизводства подвергнуть казни всѣхъ попавшихъ въ проскрипцію, намѣченныхъ продавшимися королю директоріями департаментовъ и внесенныхъ въ списки, хранившіеся во дворцѣ и подписанные рукою Людовика XVI. Женщины должны были по приговору суда владить по улицамъ трупы своихъ несчастныхъ супруговъ. Не были пощажены даже дѣти. Были начерчены проекты эшафотовъ, приспособленныхъ для устройства новыхъ Тауролозовъ ¹⁾, такъ,

¹⁾ «Таурололами» назывался особый видъ жертвоприношеній, введенный въ Римѣ при императорахъ и неизвѣстный въ республиканскую эпоху. Цѣлью этихъ страшныхъ жертвоприношеній было благоденствіе императора и имперіи. Приносились они богинѣ Кибелѣ. Вотъ въ чемъ они состояли: закланіе жертвенныхъ животныхъ производилось на особыхъ платформахъ со множествомъ дыръ; жрецы помѣщались подъ ними такъ,

чтобы помѣщенные подъ эшафотами малютки орощались кровью своихъ отцовъ; Людовикъ XVI, оказываясь по отношенію къ дѣтямъ болѣе жестокимъ, чѣмъ Людовикъ XI по отношенію къ дѣтямъ Жака Арманьяка ¹⁾: онъ хотѣлъ, чтобы потомки патриотовъ до пятнадцатилѣтняго возраста носили въ кровью родителей платье. Само собою разумѣется, а руки придворныхъ янычаровъ и на глазахъ дворчанія. Каждое патриотическому меньшинству Национальнаго Соборанія. Каждое дерево большой Тюильерійской аллеи должно было сдѣлаться видѣть. Придворныя сѣлицей для того или другого выдающагося патриота еревки. И это дамы сплели для этой цѣли особыя трехцвѣтныя в были женщины!

Завершеніемъ всѣхъ этихъ преступленій должно было явиться банкротство, и Людовикъ сдѣлалъ все, что онъ могъ, чтобы подорвать довѣріе къ ассигнаціямъ. Памфлеты, афиши, газеты, карикатуры, самый разнузданный анекдотажъ, фабрики фальшивыхъ ассигнацій, въ родѣ находившейся подъ управленіемъ королевы фабрики въ Франціи ²⁾.

чтобы кровь животныхъ стекала на нихъ; они выходили оттуда покрытые кровью, и въ этомъ ужасномъ видѣ принимали поклоненіе народа. и въ этомъ ужасномъ видѣ принимали поклоненіе народа. жрецы всѣхъ религій, чудовища оскорбляющія повсюду природу, и вы императоры и короли, любящіе обращать ваши взоры лишь на сцены смертоубійства, я узнаю васъ въ этихъ отвратительныхъ сценахъ! (Прим. Шометта).

¹⁾ Жакъ Д'Арманьякъ, герцогъ Немурскій и графъ Де-Ла-Маршъ находились въ тайныхъ связяхъ съ братомъ позорной памяти Людовика XI герцогомъ Гвизанскимъ. Король таскалъ его за это изъ Византійки наконепъ въ замокъ Пьера Ансиса, оттуда въ Бастилію, а изъ Бастиліи—кардинала въ желѣзную клѣтку, извѣстную подъ именемъ клѣтки Базалю—министра бывшаго ея изобрѣтателемъ и жертвой. (Кардиналъ Базалю въ желѣзной и духовникъ Людовика XI, одиннадцать лѣтъ просидѣвъ вѣчныхъ бѣдствъ клѣткѣ за связи съ Карломъ Смѣлымъ. И. X.). Узнавши о планѣхъ бѣгства Арманьяка, свирѣпый Людовикъ XI казнилъ его въ 1477 году на Парижскомъ рынкѣ; съ изысканнымъ звѣрствомъ, достойнымъ короля Франціи, онъ приказалъ поставить подъ эшафотомъ дѣтей убиваемаго имъ человѣка Старшему изъ нихъ было всего 9 лѣтъ, второму—семь, третьему—пять лѣтъ. Кровь казнаго отца оросила дѣтей, и они вышли изъ подъ эшафота покрытые ея паромъ. Какое тонкое зрѣлище для очей короля! Какое страшное преступленіе въ глазахъ человѣчества! Для принцевъ Арманьяковъ Людовикъ выстроилъ особые каменные мѣшки, заостренные въ визу, такъ чтобы ноги заключенныхъ не имѣли поддержки и тѣло ихъ вытаскиженіяхъ одинаково страдало. Два раза въ недѣлю несчастныя вытаскивали изъ ихъ мѣшковъ для бичеванія (имъ завѣдывалъ герцога Баваріи Филиппъ Луиль) и разъ въ три мѣсяца для операнія мученій съ выдергиванья зуба. Старшій Арманьякъ сошелъ отъ этой операции и освободился изъ ада. Всѣ факты эти описаны въ прошеніи, представленномъ Людовикомъ XI въ 1483 году. Получился въ цѣлый томъ, ес ли бы разсказать Арманьякомъ въ 1483 году. Получился въ цѣлый томъ, ес ли бы разсказать о всѣхъ преступленіяхъ и звѣрствахъ этого чудовища—Франціи! (Прим. Шометта).

²⁾ См. первый выпускъ печатныхъ документовъ—витанціи типографшиновъ и рабочихъ, найденныя у интенданта графа Ланорта. (Прим. Шометта).

Всѣ свѣдѣнія, относящіяся сюда, были даны, во-первыхъ, эмиссарами двора, спеціально старавшимися возбуждать безпорядки, чтобы сдѣлать побѣду болѣе вѣрной, а дворъ всѣмъ безстыднымъ видомъ своимъ показывалъ, что увѣренъ въ побѣдѣ. Да и дѣйствительно, уже полтора мѣсяца, какъ все было готово: военныя силы помѣщенные въ Тюильери, другія, разбросанныя по Парижу, фортификаціи, арсеналъ, склады разныхъ припасовъ—все было въ должномъ порядкѣ. Предусмотрительность довела до того, что вышелъ приказъ наточить всѣ кухонныя тѣпки, топоры и ножи и раздать всей дворнѣ кинжалы и пистолеты со штыкомъ ¹⁾.

Вторымъ источникомъ свѣдѣній явились отдѣльныя лица, по несчастному стеченію обстоятельствъ, попавшія на службу къ Людовику XVI. Ихъ утвержденія носили самый категорическій характеръ и подтверждались доказательствами со стороны чачовыхъ народа (sentinelles du peuple).

Волненіе охватываетъ скоро всѣ секціи. Патриоты удваиваютъ усилія; депутаціи слѣдуютъ со всѣхъ сторонъ; спѣшатъ предупредить планы тирана: опущеніе опасности электризуетъ всѣ души...

Возстаніе рѣшено. Набать, давно желанный и просимый, готовъ зазвучать. Бравые марсельцы, бравые федераты, точите ваши штыки, готовьте ваше оружіе на тирановъ. Парижане готовы. Близокъ часъ побѣды, часъ національнаго правосудія. Матери семействъ, супруги и дочери, удаляйтесь въ свои дома, готовьте бѣлье и припасы, лавры и, можетъ быть, слезы для вашихъ сыновей и мужей. Отечество призываетъ ихъ, и они пойдутъ,—пойдутъ, держа въ рукахъ смерть и навстрѣчу смерти, пойдутъ; во имя блага своей страны.

V. Ночь съ 9-го на 10-е августа.

Въ эту навѣки знаменитую ночь огромное большинство парижскихъ секцій объявили вооруженное возстаніе. Наиболѣе патриотическая изъ нихъ рѣшила въ полдень ударить въ набать. Секція Французскаго Театра, къ которой присоединились марсельцы, должна была дать сигналъ съ колоколенъ церкви Св. Андрея (Saint-André-des-Arts) и монастыря кордельеровъ. Послѣ принятія этого рѣшенія сразу почувствовалась нужда въ какомъ-нибудь объединительномъ центрѣ, способномъ руководить тѣмъ великимъ и страшнымъ движеніемъ, которое подготовлялось. Немедленно назначили комиссаровъ, которыхъ облекли неограниченными полномочіями и командировали въ Коммунальный

¹⁾ Факты эти сообщены шестью низшими служителями двора. (Прим. Шометта).

Домъ, чтобы руководить оттуда дѣломъ спасенія отечества. Покидая свои секціи, они намѣчаютъ предполагаемый планъ дѣйствій, еще разъ взываютъ къ мужеству своихъ согражданъ, обнимаютъ ихъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ и удаляются, давая клятву побѣдить тиранию или погибнуть подъ ея ударами.

Секціи быстро организуются, назначаютъ себѣ новыхъ командировъ. Приносятъ связки боевыхъ пикъ; ихъ разбираютъ нарасхватъ. Всѣ вооружаются и съ суровой рѣшимостью на лицѣ, держа въ рукахъ оружіе, приносятъ клятву спасти отечество. Дальнѣйшее покажетъ намъ, что клятва эта была соблюдена.

Пока въ секціяхъ происходили эти патріотическія приготовленія, собирались, съ своей стороны, и роялисты; подъ руководствомъ своихъ батальонныхъ командировъ и другихъ штабныхъ офицеровъ они группировали вооруженныя силы вокругъ дворца. Нѣкоторые изъ этихъ преступныхъ гражданъ довели свое предательство до того, что увезли изъ своихъ секцій и доставили въ Тюильери всѣ имѣвшіяся тамъ пушки.

Страшный часъ наконецъ пробилъ... Быстрые, пугающіе звуки набата сотрясли ночной воздухъ. Повсюду сигналы къ общему сбору; всѣ бѣгутъ къ оружію; каждый отдается охватившему всѣхъ порыву.

Армія, мстительница за поправныя права человѣчества, нѣсколькими колоннами двигалась къ замку Люди, полные талантовъ, руководили ея движеніемъ. На случай неудачи былъ заранѣе приготовленъ общій планъ обороны. Секція Французскаго Театра съ марсельцами во главѣ, секція Люксембурга, Краснаго Креста и Четырехъ Націй держали путь черезъ Новый мостъ (Pont Neuf). Здѣсь батальонъ людей, навѣки опозорившихъ себя (батальонъ секціи Генриха IV. *Прим. проф. Олара*), направилъ противъ нихъ всѣ орудія своего артиллерійскаго парка, но ничто не остановило ихъ мужества: марсельцы двигались, не обращая вниманія, привели въ боевую готовность свои собственныя пушки и едѣлали натискъ толпой. Банда разбойниковъ въ страхѣ бѣжала отъ нихъ: эти люди только разъ—17-го іюля 1791 года, при избіеніи женщинъ и дѣтей на Марсовомъ полѣ—могли проявить свое мужество. Посты на Новомъ мосту и у фонтана Самаританъ были также смяты толпой; патріоты, находившіеся тамъ, присоединились къ идущимъ по мосту секціямъ.

Такъ двигались эти колонны, похожія на глухо шумящую, влокающую лаву, стекавшую по широкимъ склонамъ готоваго къ изверженію вулкана. А дворъ тѣмъ временемъ готовился съ своей стороны къ атакѣ. Швейцарцевъ поили водкой; аристократическіе батальоны, порвавшіе со своими братьями, чтобы при-

соединиться къ убійцамъ, осыпались всяческой лестью. Муниципальные чиновники ¹⁾ въ своихъ шарфахъ, члены департаментской директоріи съ генералъ-прокуроромъ—синдикомъ во главѣ держали погромныя рѣчи, подписывали приказъ объ открытіи огня, читали законъ противъ сборищъ, тогда какъ Петіонъ и другіе муниципальные чиновники держались въ сторонѣ въ другомъ углу замка и видѣли уже сабли, поднятыя надъ своей головой.

Услышавъ звуки набата и сигналы къ общему сбору, сходилось и Национальное Собраніе. Начинаются ничего не значащія пренія. Королевская партія отсутствуетъ, но патріоты всѣ на своемъ посту. Одинъ изъ членовъ муниципалитета приноситъ извѣстіе, что мэру и его коллегамъ грозитъ опасность. Собраніе не находитъ иного средства спасти ихъ отъ ножа убійць, какъ пригласить ихъ въ свое засѣданіе.

Очень важно отмѣтить—и къ чести Национальнаго Собранія—что въ эту страшную ночь его окружала цѣлая армія контръ-революціонеровъ и единственной защитой его, кромѣ собственнаго мужества и смѣлости, была кучка гражданъ, занимавшихъ его галлерей.

Съ большой энергіей и методомъ дѣйствовали, съ своей стороны, и комиссары секцій. Первымъ ихъ дѣломъ было смѣщеніе всего муниципалитета, за исключеніемъ мэра, прокурора Коммуны и администраторовъ, распредѣленіе боевыхъ припасовъ и доставка провіанта въ окрестности Карусели. Въ то время, какъ командиръ національной гвардіи Манда во главѣ гренадеръ и стрѣлковъ батальоновъ Дѣвъ Св. Фомы, Лувра, Малыхъ Отцовъ (Petits Pères), Генриха IV и отчасти Св. Андрея (St. André-Des-Arts) готовилъ на глазахъ своего хозяина кровопролитіе, смерть согражданъ и гибель страны, комиссары подписывали приказъ о его смѣщеніи и назначали на его мѣсто Сантерра, командира одного изъ батальоновъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья.

Я видѣлъ этихъ комиссаровъ въ тотъ моментъ, когда полное сознаніе величія переживаемыхъ ими событій, они заняли мѣсто только что распушеннаго, ими безтолковаго и контръ-революціоннаго Генеральнаго Совѣта (Городской Думы. *И. Х.*). Я видѣлъ, какъ они обнимали другъ друга и клялись, въ порывѣ вдохновеннаго энтузіазма, скорѣе пасть подъ ножомъ враговъ, чѣмъ оставить народное дѣло. Никогда не забыть мнѣ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ зрѣлищемъ.

¹⁾ Нѣкоторые люди распространяли слухъ, будто это были аристократы, нарочито передѣвшіеся муниципальными чиновниками, но не поддежитъ никакому сомнѣнію, что это были подлинныя представители муниципалитета, и что указъ объ отраженіи силы силой былъ подписанъ самимъ Петіакомъ. (*Прим. Шометта*).

Наконецъ показался день. Многие комиссары уже сражались въ это время въ рядахъ народа, и если бы не увѣщаніе нѣсколькихъ благоразумныхъ людей, центръ объединенія могъ бы совсѣмъ распасться. Однако ничего подобнаго не случилось: новый совѣтъ сохранился въ достаточно многочисленномъ составѣ, чтобы выполнить всѣ лежавшія на немъ задачи.

Сильные отряды заполняли всѣ улицы. Два лже-патруля были арестованы и обезоружены: это были рыцари кинжала и не подчинившіеся закону священники. Граждане быстро расправляются съ ними: измѣнниковъ убиваютъ и головы ихъ несутъ на пикахъ. Стоить отмѣтить, что во время движенія гражданъ по улицѣ Сентъ-Онорэ, въ нихъ стрѣляли изъ верхнихъ оконъ и съ водокачки противъ Палэ Руамбель, но они не моргнули и глазомъ. Ихъ занимали въ то время болѣе высокіе интересы, и высланные дворомъ стрѣлки, желавшіе доставить санкюлотамъ забаву, чтобы тѣмъ легче потомъ расправиться съ ними, а также вызвать въ нихъ ярость противъ торговцевъ улицы Сентъ-Онорэ, лишній разъ ошиблись въ своемъ ожиданіи и доказали лишь, что не понимали ни народа ни его великихъ намѣреній.

VI. День 10-го августа.

Непрерывные звуки набата, движеніе народа, зрѣлище вздернутыхъ на пики мертвыхъ головъ, вся обстановка войны—поражала страхомъ однихъ, вдохновляла мужествомъ другихъ.

Около шести часовъ утра Людовикъ XVI спустился на дворъ и обратился къ гренадерамъ съ рѣчью; тѣ съ криками «да здравствуетъ король!» торжественно пронесли его до его апартаментовъ. Но лучшіе изъ нихъ успѣли уйти при первомъ приближеніи народа. Швейцарцевъ напоили допьяна и роздали имъ новенькіе эсю, послѣ чего они принесли Людовику присягу на *вѣрность и сопротивленіе до послѣдняго челоука*. Рыцари кинжала и всѣ парижскіе аристократы, расположившіеся въ огромной галлерей Лувра, были разставлены теперь у оконъ и противъ бойницъ, устроенныхъ въ отверстіяхъ загражденій.

Еще наканунѣ на небольшомъ разстояніи отъ воротъ, которыя оставались запертыми, былъ выстроенъ тынъ изъ очень толстыхъ и большихъ бревенъ. Когда довольно большая толпа гражданъ подошла къ воротамъ и попыталась въ нихъ войти, швейцарскіе офицеры спросили, чего имъ надо. «Мы хотимъ войти».—«*Вы можете войти, послѣдовалъ отвѣтъ, если только вы общаетесь кричать—да здравствуетъ король! Мы даже выдадимъ вамъ сабли.*»

Колонны революціонной арміи стали появляться уже на

площади Карусели, когда Людовикъ XVI, его семейство и многія особы двора отправились въ Національное Собраніе черезъ густые ряды швейцарцевъ и контръ-революціонеровъ, сопровождаемые криками «*да здравствуетъ король!*» «*Я пришелъ сюда,*» заявилъ Людовикъ, входя въ залу Собранія, «*чтобы избѣгнуть великаго преступленія*». Презрѣнный трусъ! Народъ требовалъ въ это время лишь сверженія его съ трона: чтобы народъ возненавидѣлъ монархическую систему, какъ онъ ненавидитъ ее теперь, ему нужно было еще раскрыть во всей полнотѣ всѣ преступленія послѣдняго тирана французскіе!.. Конечно, люди просвѣщенные и облеченные народнымъ довѣріемъ, съ самаго начала Революціи хотѣли республики и всячески зывали къ ней, но въ этотъ моментъ толпа не думала ни о какомъ насиліи надъ личностью монарха: посягали лишь на его власть, хотѣли уничтожить тѣ страшныя злоупотребленія, которыя она себѣ позволяла.

Вокругъ Національнаго Собранія толпилось много народу. Съ тонкимъ политическимъ расчетомъ въ толпу быяъ пущенъ слухъ, что Людовикъ уже свергнутъ съ престола. Раздался пушечный выстрѣлъ. «*Это салютъ по случаю только что изданнаго декрета о сверженіи*», заговорили въ толпѣ. Неечастные, ваше заблужденіе было велико, и оно продолжалось недолго: первый же раненый разсѣялъ иллюзію. Страшные крики раздались тогда со всѣхъ сторонъ: «*Измѣна, граждане! Къ оружію! Швейцарцы избиваютъ народъ!*» и т. д.

Часовъ въ десять утра почти весь Парижъ находился уже вокругъ дворца. Марсельцы и батальонъ кордельеровъ требуютъ чтобы имъ открыли ворота замка. Ворота открываются. Швейцарцы, стоящіе въ амбразурахъ оконъ, машутъ имъ шляпами, повѣшеннымъ на штыки, и кричатъ «*Да здравствуетъ нація!*» Въ знакъ дружбы они бросаютъ свои патроны ¹⁾. Еще немного впередъ, какъ вдругъ справа, слѣва и спереди поднимается быстрый огонь. Двѣ пушки, заряженные картечью, укрытыя отъ взоровъ, дѣлаютъ залпъ. Ружейная стрѣльба усиливается со всѣхъ сторонъ—изъ швейцарскихъ казармъ, изъ всѣхъ оконъ замка, съ кровель, изъ одушинъ, изъ сомкнутыхъ вражескихъ рядовъ, сверху всѣхъ окружающихъ зданій. По народу стрѣляютъ одновременно и со стороны дворовъ, и со стороны сада, и со стороны города. Весь павильонъ Флоры, большая галлерей, вся площадь замка представляли собою сплошное густое облако дыма, образцованное бѣглымъ перекрестнымъ огнемъ.

¹⁾ Я видѣлъ эти патроны. Они были набиты пепломъ и сдѣланы нарочно для этой цѣли. Нашлись свидѣтели, видѣвшіе, какъ ихъ приготовляли еще 7 августа. (Прим. Шометтѣ).

Страшные залпы эти уложили по крайней мѣрѣ четыреста патриотовъ. Но первое замѣшательство быстро прошло. Конная жандармерія переходитъ на сторону народа; она отважно кидается на швейцарцевъ и поджигаетъ ихъ казармы, теряя при этомъ 25 человекъ убитыхъ. Жители предмѣстій, вооруженные пиками, и федераты Финистера, двигаются, не обращая вниманія на артиллерійскій и ружейный огонь, на королевскую армию, прорываютъ ее и отбѣгаютъ въ замокъ. Тутъ сопротивление дѣлается отчаяннымъ; большую лѣстницу отстаиваютъ упорно, но наступленіе ведется такъ бурно, что попытки остановить его становятся вскорѣ безпомощными. Смерть и рѣзня прокладываютъ инсургентамъ дорогу. Они входятъ...

Бойня ужасная. Всѣ дворы усыяны трупами; вестибюль, лѣстница, капелла, внутренніе апартаменты превратились вскорѣ въ сплошное мѣсто побоища, покрытое кусками отрубленныхъ и живыхъ еще частей тѣла, дымящимися внутренностями, клочками волосъ, обломками оружія, мебели, зеркалъ, обрывками ковровъ, разбросанными по лужамъ крови. Подожженные швейцарскія казармы, окутанныя густыми клубами дыма, еще болѣе усиливаютъ ужасъ картины. Другое, не менѣе ужасное, зрѣлище представлялъ собою залитый кровью и заваленный трупами садъ. Рвы у подъемнаго моста (со стороны площади «Согласія» И. X.), доверху наполненные тѣлами убитыхъ и умирающихъ, самый замокъ Тюиллери и его окрестности—все это сливалось въ тотъ день въ сплошную картину ужаса и гибели человѣческихъ существъ, напоминающую картины великихъ стихійныхъ бѣдствій.

Всѣ взоры, всѣ движенія вскорѣ направились въ эту сторону. Пожаръ освѣщаль дорогу къ главной дѣли всеобщаго любопытства. Проникнуть въ замокъ можно было лишь черезъ горящее зданіе, ступая по неостывшимъ еще тѣламъ, и толпа шла туда, беспощадно избивая попрятавшихся по погребамъ, чердакамъ и шкафамъ негодяевъ. Ничего не было ужаснѣе зрѣлища этихъ мѣсть въ тотъ моментъ, и все же на него взирали безъ ужаса; вспоминая о тѣхъ, кто тутъ только что жилъ.

Среди сумятицы этой встрѣчались прекраснѣйшіе примѣры безкорыстія и благородства: люди, сами покрытые ранами и истекавшіе кровью, спасали жизнь старикамъ и швейцарскимъ дѣтямъ; другіе, одѣтые въ лохмотья, несли въ бюро Национальнаго Собранія нераскрытые кошельки, полные золотой и серебряной монетой, шляпы и ящики, доверху наполненные луидорами, драгоценными камнями и другими предметами богатства. Всѣхъ, кто пытался присвоить себѣ хоть малѣйшую вещь, безжалостно убивали на мѣстѣ.

По окончаніи схватки сражающіеся уносили въ свои жилища на концѣ своихъ пикъ, кто обрывки одежды швейцарца или какого-нибудь придворнаго чина, кто куски сукна съ вышитыми золотомъ цвѣтами лиліи, кто полусгорѣвшую книгу, кто опорожненную бутылку. Улицы Паріжа представляли для наблюдателя совершенно новое зрѣлище, полное ужаса и красоты. Работа повсюду прервана; люди бережно несутъ по улицамъ своихъ раненыхъ братьевъ; жены ведутъ подъ руки своихъ мужей, покрывая ихъ нѣжными ласками; дѣти вытираютъ потныя и окровавленные лица своихъ отцовъ; каждый торопится нести свою помощь повсюду, гдѣ только имѣется въ ней нужда; словомъ, нѣжнѣйшіе порывы братства и дружбы смѣняютъ собою только что пронесшуюся великую бурю, даютъ отдыхъ тихій только что потрясенному грозно воображенію.

Я не долженъ пройти молчаніемъ одной раздирающей душу сцены. Федераты Финистера были одѣты въ красное, какъ швейцарцы. Двое изъ нихъ особенно выдѣлялись храбростію. Какой-то гражданинъ, обративъ на нихъ вниманіе въ общей свалкѣ, принимаетъ ихъ за враговъ, прицѣливается и убиваетъ. Крики патриотовъ открываютъ гражданину его ошибку. «*Боже*», восклицаетъ онъ, подбѣгая къ убитымъ, «я убилъ двухъ своихъ братьевъ, двухъ героев». Онъ бросается на трупы, покрываетъ ихъ поцѣлуями; его невозможно отъ нихъ оторвать; онъ провожаетъ славные останки вплоть до телѣгъ, на которыхъ увозятъ трупы. Весь организмъ его страшно потрясенъ; онъ дрожитъ всѣми своими членами; его разумъ мутится; онъ испускаетъ безумные крики. Его отводятъ домой, но черезъ два дня онъ умираетъ отъ горя.

Посмотримъ теперь, что происходило въ Национальномъ Собраніи. Зрѣлище, которое оно представляло собою въ тотъ день, достойно быть отмѣченнымъ. Въ началѣ утренняго засѣданія оно покажетъ себя не на высотѣ положенія—трусливымъ и малодушнымъ, а потомъ какъ-то вдругъ, безо всякаго перехода оно поднимается до высшихъ ступеней республиканскаго мужества.

Шли пренія о постепенномъ уничтоженіи торговли неграми, когда выступилъ министръ юстиціи (Де-Жюли) съ рѣчью о тягостномъ положеніи короля и его семейства и о томъ, что единственнымъ средствомъ спасенія его повелителей является посылка къ нимъ депутаціи Законодательнаго Корпуса. Выступившій вслѣдъ за нимъ представитель муниципалитета заявляетъ, что король, королева, королевская семья, королевскіе министры и администраторы департамента просятъ доступа въ Национальное Собраніе... Собраніе отряжаетъ навстрѣчу этой презрѣнной компаніи особую депутацію!!!... Людовикъ-Пгунъ, вступая въ

залу собранія, произносить слѣдующія слова: «Я пришелъ сюда, чтобы предупредить великое преступленіе; я полагаю, что нигдѣ я не могъ бы чувствовать себя въ такой безопасности, какъ въ вашей, господа, средѣ». Президентъ (это былъ Верньо. *Оларь*) отвѣчаетъ: «Государь, вы можете разсчитывать на твердость Национальнаго Собранія. Члены его поклялись умереть, защищая права народа и опирающихся на конституцію властей». Сами Гроцій и Пуффендорфъ ¹⁾ не продиктовали бы ему лучшаго отвѣта. Какъ? Обѣщать свою помощь тирану и толковать изъ-за страха передъ гражданами о правахъ народа въ то время, какъ условіемъ сохраненія этихъ правъ могъ явиться лишь смертный приговоръ противъ всей этой гнусной шайки разбойниковъ! Какая бессмыслица! Какая изученная тонкость отвѣта! Исторія произнесетъ свой безпристрастный приговоръ и надъ нимъ, и надъ манифестомъ, выпущеннымъ Национальнымъ Собраніемъ немедленно послѣ этой сцены, манифестомъ, *въгрявшимъ жизнь и имущество всѣхъ покровительству парижскаго населенія*. Какая грубая обида, какое дешевое оскорбленіе по адресу народа, который, карая, по праву своего суверенитета, преступниковъ и тирановъ, грозилъ убійствомъ на мѣстѣ за всякое посягательство на чужую собственность! Довѣренныя народа, вообразившіе себя его правителями, вамъ стоило выйти изъ вашей залы, и вы увидѣли бы людей, болѣе великихъ, чѣмъ вы, людей, достойныхъ имѣть лучшихъ представителей, чѣмъ тѣ, которые дерзнули обратиться къ народу съ этимъ манифестомъ. Лично я, въ мѣру приходящагося на мою долю суверенитета, вотирую презрѣніе навѣки тому безсовѣстному невѣждѣ, который первый предложилъ собранію эту мѣру!

Внезапно слышится залпъ изъ ружей; вслѣдъ за нимъ раздается пушечный выстрѣлъ. Волненіе и смущеніе охватываетъ собраніе и всѣхъ присутствующихъ. Одинъ депутатъ (не изъ тѣхъ, конечно, что вотировали за манифестъ) энергично напоминаетъ собранію, что засѣданіе еще продолжается. Затѣмъ, когда спокойствіе въ залѣ уже мало по малу восстанавлилось, является депутація отъ секціи Термъ Юлія (*Thermes de Julien*) и напоминаетъ собранію о той петиціи, которая была представлена ему маромъ отъ имени парижской коммуны, и которая требовала устраненія главы исполнительной власти съ его поста (ненавистное имя «король» уже исчезло изъ ихъ языка). «*Рѣшитель*», говорили члены депутаціи, «*рѣшитель дать клятву спасти отечество, и отечество будетъ спасено*». Ружейная и пушечная пальба возобновляется между тѣмъ съ удвоенной силой: пули ударяются въ стекла оконъ.

¹⁾ *Гуго Гроцій* и *Пуффендорфъ* — знаменитые юристы XVII вѣка.

Тогда депутаты поднимаются вдругъ, какъ одинъ человекъ, и кричатъ поднимая руки: «Клянемся спасти отечество!» Въ этотъ моментъ собраніе показало себя великимъ и достойнымъ того народа, который оно представляло. Пусть же не спускается онъ съ достигнутой высоты, и да не ослабнетъ его энергія! ¹⁾

Одинъ изъ членовъ собранія вноситъ затѣмъ предложеніе, чтобы каждый депутатъ по очереди вошелъ на трибуну и поклялся *«не измѣнить свободу и равенству и умереть на своемъ посту!»* ²⁾. Тутъ въ залу входитъ толпа покрытыхъ потомъ, пыльныхъ и окровавленныхъ гражданъ; они складываютъ къ трибунѣ огромное количество писемъ, бумагъ, цѣнной утвари, золота, драгоценностей, найденныхъ въ замкахъ. Все это были люди, носившіе платье почтенной бѣдности, но они съ презрѣніемъ попирали золото. Президентъ предложилъ нѣкоторымъ изъ нихъ нѣсколько золотыхъ монетъ; они отвѣтили гордымъ отказомъ. Одинъ изъ нихъ выразилъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Для золота у насъ нѣтъ кармановъ, но для свободы мѣсто найдется!».

Вотъ входитъ депутація новой парижской коммуны; впереди — знамена съ надписями *Отечество, Свобода, Равенство*. Она требуетъ низверженія короля. Тогда на трибуну всходитъ Верньо и въ слѣдующихъ словахъ еще разъ надругается надъ народомъ и его представителями ³⁾: «Я хочу», заявилъ онъ, «предложить отъ имени чрезвычайной комиссіи одну крайнюю мѣру. Чувство скорби, проникающее васъ, подскажетъ вамъ и безъ моихъ аргументовъ, насколько важно, во имя спасенія отечества, ея немедленное принятіе. (Читаетъ):

«Национальное Собраніе, принимая во вниманіе, что опасности, угрожающія отечеству, достигли высшихъ предѣловъ;

что священной обязанностью Законодательнаго Корпуса является принятіе всѣхъ мѣръ для его спасенія;

что дѣйствительными мѣрами спасенія отечества могутъ явиться лишь тѣ, которыя касаются самаго источника зла;

что источникомъ этимъ является, главнымъ образомъ, чувство недовѣрія, вызываемое поведеніемъ главы исполнительной власти въ войнѣ, объявленной его именемъ конституціи и національной независимости;

¹⁾ Эта часть мемуаровъ написана, очевидно, еще до роспуска Легислативы.

²⁾ Это былъ *Монто* (Montaut), перешедшій затѣмъ изъ Легислативы въ Конвентъ. Въ отличіе отъ многихъ другихъ онъ остался тамъ вѣрнъ своимъ убѣжденіямъ и не измѣнилъ завѣтамъ этой великой эпохи. (*Мрим Шометта*).

³⁾ Въ дѣйствительности, какъ это видно изъ отчета Монитора (XIII 329—381) рѣчь Верньо вовсе не являлась отвѣтомъ на заявленіе депутаціи коммуны и была произнесена послѣ цѣлаго ряда другихъ выступленій (*Прим. Оларя*).

что недовѣріе это вызвало во многихъ частяхъ имперіи за- явление въ пользу отнятія у Людовика XVI, делегированной ему власти; но, принимая во вниманіе, съ другой стороны, что законодательный корпусъ не хочетъ и долженъ узурпаторскимъ образомъ увеличивать свою власть; что въ тѣхъ чрезвычайныхъ, никакими законами непредусмотрѣнныхъ обстоятельствахъ, въ которые ставятъ его настоящія событія, онъ не можетъ найти примиренія между своимъ долгомъ непоколебимой вѣрности конституціи и твердой рѣшимостью погибнуть подъ развалинами храма свободы, но передать власть не иначе какъ путемъ аппеляціи къ народному суверенитету и принятія, съ своей стороны, всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы аппеляція эта не сдѣлалась иллюзорной, благодаря различнымъ предательствамъ, постановляетъ слѣдующее:

I. Французскій народъ приглашается къ созыву Національнаго Конвента. Чрезвычайная комиссія представитъ завтра же докладъ по вопросу о времени и способѣ созванія этого конвента.

II. Глава исполнительной власти временно отстраняется отъ власти, пока Національный Конвентъ не выскажется по поводу тѣхъ мѣръ, какія должны быть, по его мнѣнію, приняты для утвержденія суверенныхъ правъ народа и сохраненія свободы и равенства.

III. Чрезвычайная комиссія представитъ въ однодневный срокъ проектъ организаціи новаго министерства.

IV. Министерство, существующее въ настоящее время, временно сохраняетъ свои функціи.

V. Чрезвычайная комиссія въ однодневный же срокъ представитъ проектъ декрета о назначеніи воспитателя для наследника престола (королевскаго принца).

VI. Выдача суммъ по гражданскому листу пріостанавливается впредь до рѣшенія національнаго конвента. Чрезвычайная комиссія представитъ въ 24-хъ часовой срокъ проектъ декрета о размѣрахъ содержанія слѣдующаго королю за періодъ устраненія его отъ власти.

VII. Регистры гражданскаго листа, подписанные и пронумерованные у интенданта гражданскаго листа двумя комиссарами Національнаго Собранія, будутъ выставлены въ его бюро.

VIII. Король и его семейство останутся въ помѣщеніи законодательнаго корпуса впредь до возстановленія спокойствія на улицахъ Парижа.

IX. Департаментская администрація сдѣлаетъ распоряженіе о скорѣйшемъ, въ теченіе дня, приготовленіи для нихъ помѣщенія

въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ они и будутъ находиться подъ охраной гражданъ и закона.

X. Всякій представитель общественной власти, всякій солдатъ, унтеръ-офицеръ, офицеръ, какого-бы ни былъ онъ чина, всякій генералъ, находящійся при арміи, будетъ объявленъ недостойнымъ измѣнникомъ отечества, если при настоящихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, покинетъ свой постъ.

XI. Настоящій декретъ будетъ незамедлительно и немедленно опубликованъ департаментомъ и муниципалитетомъ Парижа.

XII. Чрезвычайные курьеры доставятъ декретъ во всѣ семьдесятъ три департамента, а послѣднимъ будетъ вмѣнено въ обязанность въ теченіе двадцати четырехъ часовъ сообщить его всѣмъ муниципалитетамъ, находящимся въ ихъ округѣ, на предметъ торжественнаго его опубликованія.

Послѣ принятія всѣхъ относившихся къ этому предложенію декретовъ, скорбнымъ тономъ (avec le ton de la douleur) прочитанныхъ Верньо, Собраніе принимаетъ другіе декреты¹⁾.

Собраніе это, объявленное первоначально перманентнымъ, было распущено въ 3¼ часа утра и снова открылось въ семь.

А Людовикъ XVI, какъ заправскій преступникъ и морально павшій человекъ преспокойно ѣлъ и пилъ въ это время, какъ будто бы ничего не случилось. Среди депутатовъ находились достаточно низкіе люди, чтобы подходить къ рѣшетчатой ложѣ, за которой сидѣли чудовища, расшаркиваться и цѣловать нечистую руку Антуанетты. И эти презрѣнные, трусливые, люди не получили тутъ же на мѣстѣ заслуженной ими кары!..

¹⁾ Между прочимъ законъ о передачѣ исполнительной власти избираемому законодательнымъ собраніемъ министерству, о признаніи дѣйствительными всѣхъ прошедшихъ уже, но не утвержденныхъ еще юромъ законовъ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ (для всѣхъ достигшихъ 25-лѣтняго возраста и живущихъ своимъ трудомъ) при выборахъ въ Національный Конвентъ и т. д.